

БОРУХ-ЛЕЙБ ЖЕНИТСЯ

Ḳāēi Ḍāāāi

В первый день месяца элул[1], после молитвы в Немом миньяне протрубил шофар с таким шумом и трепетом, словно уже будили мертвых к Судному дню. С таким же шумом и трепетом в молельню ворвалась Злата-Баша Фейгельсон, папиросница. Без головного платка, с седыми растрепанными волосами, она припала к священному ковчегу с рыданиями: ее муж умирает. От ковчега она бросилась к предсказателю Боруху-Лейбу и принялась его трясти: почему он молчит? Старый холостяк, который был посередине молитвы, поднялся со своего места ни жив ни мертв и едва смог пробормотать дежурное: он не цадик[2], не врач, и он не обещал ей, что ее муж выздоровеет. «Но зайти к нам, чтобы мы не были одни с бедой, вам же позволительно!» – кричала Злата-Баша сухим и жестким голосом. Накричавшись, она побрела к двери молельни, опустив голову и заламывая руки, словно уже стала вдовой, а Борух-Лейб покорно поплелся за ней.

Вернулся он от больного поздно вечером. Соседи смотрели, как Борух-Лейб размахивает своими длинными руками, и посмеивались: простак с вытянутой физиономией невыспавшегося пекаря, работающего по ночам! Если нельзя принуждать к браку дочь Израилеву, то разве можно принудить сына Израилева? Двор Песелеса считал, что Борух-Лейб Виткинд лезет, как говорится, со здоровой головой в больную кровать. Эта Злата-Баша Фейгельсон – ведьма, и ее старшая дочь совсем не хочет его, набожного предсказателя и стекольщика. Не иначе как эта засидевшаяся девица не имеет других вариантов, а мать-ведьма не дает ей житья, чтобы она согласилась на эту оглоблю, потому что он имеет заработок.

Вечернее солнце играло на серых стенах с отставшей краской. Золотой свет заката дрожал во дворе Песелеса тихо и удивленно, как заблудившийся гость, растерявшийся в тесном хороводе дверей, ступенек и крылечек. Из раскрытых окон доносился писк младенцев и споры взрослых. Элька-чулочница с пылом гоняла туда-сюда каретку своей вязальной машины и непрерывно пела песенки, чтобы не слышать смех Ентеле из квартиры ее отца. «Что это она смеется таким веселым смешком? Это жало делает вид, что ей хорошо на сердце. Но меня она не обманет. Если бы она сейчас

вышла замуж за своего молокососа Ореле, им бы обоим пришлось жить у своих родителей в чуланах», – говорила сама себе Элька и при этом кляла собственного мужа. Нет чтобы Ойзерл пришел с рынка прямо домой – он, этот прохиндей, сидит в шинке с приятелями и пьет.

Ноехке Тепер, щеточник, лез по лесенке на крышу дома что-то отремонтировать и крикнул сверху Ореле: «Что ты стоишь с такой сахарной физиономией и улыбаешься, как обкакавшийся младенец? Подай молоток!» Ореле улыбался от удовольствия, потому что он слышал смех своей Ентеле. Тепер он принялся беспокойно крутить головой: не слышит ли невеста, как отец ругает его? Какая-то еврейка выставила скамейку и выбивала на ней подушки в красных наперниках. Соседки удивлялись: ведь сейчас Рош а-Шана, а не Песах[3]. Еврейка отвечала: а если сейчас не Песах, то и постельное белье не надо проветривать? Если не соблюдать чистоту, то во дворе Песелеса можно покрыться вшами и червями.

Борух-Лейб смотрит во двор большими мутными водянистыми глазами. Он знает, соседям не хочется, чтобы чужаки не со двора Песелеса селились в его квартире из двух комнаток. Поэтому они не одобряют его женитьбы на дочери Златы-Баши Фейгельсон. Аскеты из Немого миньяна тоже сказали ему, чтобы он остерегался входить в семью, которая будет мешать его Б-гобоязненному поведению. Борух-Лейб открывает святую книгу «Зоар» и хочет, как всегда, изучать главу о премудрости гадания по руке. Но тепер все это не лезет ему в голову. Он подавленно думает: вот он всем гадает по руке, а своего собственного будущего не знает. Когда он сегодня зашел к лежащему на смертном одре папироснику, Нисл улыбнулась ему ласково и печально. Выглядит это так, словно тепер он уже нравится Нисл, хотя она и не уважает гадание по руке. Папиросница ободряла больного: «Посмотри, кто стоит рядом с тобой. Поговори с ним, поговори с ним!» Эта Злата-Баша наверняка хотела, чтобы ее муж потребовал у него, Боруха-Лейба, обещания и клятвы, что он женится на их старшей дочери. Папиросник с изъеденными болезнью легкими уже расставался с душой. Он не слышал, что кричит ему жена. Он уставился на вошедшего парой погасших глаз и не узнал его. Словно он понял, что врачи отказали ему в жизни, и ждет, чтобы его страдания поскорей закончились. Но женщина знает, что ей еще надо жить. Вот она и хочет, чтобы муж напоследок помог обеспечить старшую дочь.

Во дворе становится тихо, пусто и сумрачно. У погасшего окна в Немом миньяне кто-то раскачивается над святой книгой или читает вечернюю молитву. Его тень падает из окна во двор и качается, как привидение, на брусчатке. Из квартиры Эльки-чулочницы раздается громкий мужской голос, там падает что-то тяжелое. Снова раздается крик, на этот раз женский, переходящий в плач, и снова становится тихо. Элька-чулочница проклинала мужа за то, что он пришел домой поздно и навеселе, пока тот не перевернул стол и пару стульев, а ей не дал оплеуху, чтобы она замолчала. Минутой позже Ойзерл Бас вышел на улицу перевести дыхание. Но в опустевшем дворе ему не с кем перекинуться словом, и он заваливается к предсказателю. Маленький полноватый Ойзерл сейчас распален из-за выпитой водки и ссоры с женой. Он говорит весело, на своем бандитском жаргоне, и на его здоровом лице играют краски.

– Я слышал, что ты собираешься жениться, Борух-Лейб. Тебя, браток, здорово надули. Эта папиросница подсунула тебе дочку, чтоб ты ее обрюхатил и тебя, как быка, можно было схватить за рог и тащить под свадебный балдахин. Не будь придурком, оттяни это дело на пару месяцев. Этой девице придется придумать что-нибудь другое. А ты останешься вольной птицей.

– Я никого не обрюхатил. Что это вы мне говорите такие гнусности? – дрожит от страха Борух-Лейб, и его водянистые глаза становятся еще мутнее. – На меня возвели напраслину.

– Никто ничего не возводил, я дошел до этого собственным умом. А чем же она тебя держит? Ты мне зубы не заговаривай!

– Клянусь вам на этой святой книге «Зоар», что я к Нисл ни разу не прикоснулся. – Борух-Лейб хватает со стола святую книгу и прижимает ее к сердцу.

Ойзерл Бас заполняет квартиру своим гулким смехом и хлопает себя жесткой ладонью по лбу. Чтоб ему плохо было, если он понимает, что здесь происходит. Если Борух-Лейб не обрюхатил Нисл, то чем же его может запугивать ее семья? И почему это он не прикоснулся к такой-то скромнице? Ведь эта Нисл имела обыкновение простаивать с парнями в воротах до полуночи и только и ждала, чтобы ее обняли. Это все мать-ведьма ее толкала: пойди и найди себе кого-нибудь! А раз другого не отыскалось, подойдет и синагогальный молельщик. Ойзерл Бас не перестал смеяться и после того, как вышел из квартиры предсказателя во двор. Он увидел на крылечке одного из соседей и пустился к нему с веселой историей: «Послушай, какая комедия!..» Но Борух-Лейб остался сидеть, окаменев на своем месте. Ему было тоскливо оттого, что Нисл приходилось стоять с парнями в воротах, чтобы найти себе жениха. Как повелось этим летом, вержбеловский аскет снова заглянул к предсказателю около двенадцати часов ночи, но на сей раз реб Довид-Арон Гохгешталт оставил свои крадущиеся шажки и постоянные извинения и не ждал, чтобы Борух-Лейб погадал ему по руке. Аскет вошел, постанывая, как от зубной боли, держась за голову и чуть не плача. Куда ему бежать от этого сброда, который захватил Немой миньян? Мало того, что этот столяришка Эльюкум Пап взялся перестраивать молельню и целый день забивает гвозди в голову, он еще повесил на Синагогальном дворе объявление, что в Немом миньяне продаются места на Дни трепета. В объявлении сказано, что в молельне Песелеса в Дни трепета будут молиться все стремящиеся к пылкой молитве. Раньше всякий знал, что Немой миньян только для избранных, мыслителей, которым надо добраться до сути. И вот пришел этот столяр-неуч и придумал, что здесь каждый день надо проводить общественную молитву. А теперь в Немом миньяне к тому же трубят в шофар, так что голова лопается. И готовятся принять огромную толпу на Дни трепета.

Хотя Борух-Лейб погружен в собственные беды, он не может смолчать, слыша такие вещи, и сердито отвечает: а почему это в Немом миньяне не надо вести общественную молитву? На то и святое место! Намедни реб Довид-Арон не одобрял храмовых жертвоприношений, потому что он против кровопролития. Но ведь он не может быть против того, чтобы евреи просили Творца о здоровье и зарплате, чтобы евреи благодарили Владыку мира, вложившего в них души, сотворившего солнце и звезды. «Я против!» – подскакивает аскет от злости и одновременно от радости. Его радует, что набожный предсказатель буквально дрожит, слыша подобные еретические речи. Борух-Лейб действительно смотрит со страхом в наивных глазах на аскета, который дико крутит головой и кривит лицо. Его борода похожа на крюк с острым концом, а на его губах пенятся нечистые речи. Разве евреи слышат, что они болтают? Именно поэтому он всегда был противником общественной молитвы, и вообще молитвы, произносимой нехотя или в спешке. Молящиеся раскачиваются-раскачиваются, бормочут-бормочут, а мысли их витают где-то в другом месте. Они кричат: «Услышь глас наш!» – а сами при этом ничего не слышат из того, что говорят их уста. И вержбеловский аскет принимается играть сценку, показывая, как евреи молятся без истинного намерения. Он засовывает руки в рукава, задирает голову и быстро-быстро шлепает губами, ища глазами на всех стенах часы, словно лавочник, который бормочет молитвы и трясется при этом, что он может опоздать в свою лавку.

– Это только в будние дни. На Рош а-Шана, не говоря уже про Судный день, молятся по-другому, совсем по-другому, – говорит Борух-Лейб слабым голосом. – В Судный день молятся медленно и поют молитвы, поют и плачут.

– Ложь! В Судный день тоже смотрят на часы, чтобы узнать, скоро ли закончится пост и можно будет идти жрать. – Вержбеловский аскет неожиданно перестает носиться как вихрь по комнате и мягкими шажками, с согбенной спиной и паскудной хитрой ухмылкой приближается к хироманту. – Вы знаете, кто я? Вы же предсказатель, так отгадайте, кто я?

– Кто вы? – вылупляет на него свои желтоватые белки Борух-Лейб.

– Я анархист! – выпрямляет спину реб Довид-Арон Гохгешталт. – О князе Кропоткине вы слышали? Я из его людей, анархист!

– Рассказывали ведь, что эти анархисты бросали бомбы в императора. Как же вы можете быть одним из них? – Борух-Лейб с любопытством смотрит на руки вержбеловского аскета, которые тот засунул в рукава, словно пряча там анархистский кинжал. – Жертвоприношения вы не уважаете, как вы говорите, потому что вы против кровопролития. Общественной молитвы вы тоже не уважаете, а бросание бомб уважаете?

Вержбеловский аскет нетерпеливо топает ногой: Борух-Лейб говорит как полный невежа. Реб Довид-Арон Гохгешталт свидетельствует о себе, что он из школы князя Кропоткина, а князь Кропоткин собственноручно бомб не бросал. Он ведь был князем и, захоти он только, мог бы сам стать императором. Реб Довид-Арон рассказывает дальше, что, приходя в библиотеку Страшуна^[4], он читает только князя Кропоткина. Еврей, выдающий там книги, смотрит на него как петух на людей; этот еврей-библиотекарь понять не может, как это аскет, вместо того чтобы просматривать раввинские респонсы, каббалистические сочинения и тому подобное, читает такие вот опасные книги. А анархистом он стал с тех пор, как отец дал ему затрецину и заставил жениться на этой проклятущей. Она ведь уже под свадебным балдахином была старше

его на целых двадцать лет! Анархист против принуждения, анархист вообще не делает то, что не хочется. И поскольку он, реб Довид-Арон, сам по себе, поскольку он анархист, он всегда любил уединенно сидеть в Немом миньяне, где никто не молился, никто не проводил публичных уроков Торы, где каждый сидел в своем углу и вел себя так, как ему нравилось. Но с тех пор как появился этот столяр Эльюкум Пап и принялся что-то мастерить, в Немом миньяне стало как в аду.

– Вы тоже, Борух-Лейб, не слишком большой праведник. – Аскет вытаскивает руки из рукавов. – Мне вы всегда говорили, что по линиям на моей ладони не видно, чтобы я развелся с одной и женился на другой. Вам якобы было жалко мою проклятую жену, но на самом деле вас огорчало то, что я могу жениться на домовладелице Хане-Этл Песелес. Но вы сами, жалостливый вы мой, ведь не женитесь на дочери папиросницы.

– Откуда вы знаете, что не женюсь? – бормочет Борух-Лейб.

Аскет смотрит на предсказателя с издевкой, желая сказать, что людей, конечно, можно дурачить. Чтобы Борух-Лейб связался с такой простой семьей? Когда эта Злата-Баша Фейгельсон ввалилась утром в священный ковчег, она верещала голосом страуса. Не видя ее противного, морщинистого лица злой женщины, коя горше смерти, а слыша только ее голос, можно было поклясться, что это кричит лесной разбойник с усами. Благородная женщина так не плачет, благородная женщина плачет со сладостью, расходящейся по всему телу. А по матери можно судить о дочери. Яблоко недалеко от яблони падает. Разве Борух-Лейб взвалит на свои плечи семейку таких злобных и голодных животных, чтобы они отгрызли ему голову? Реб Довид-Арон снова засовывает руки в рукава и начинает вышагивать по комнате мягонькими, кривенькими шагками.

– Ладно у меня не было выбора. Она, эта проклятущая моя невеста, была богатой и понимала в делах. Она еще в девичестве вела большие дела, знала все ходы и выходы. Отец толкал меня под свадебный балдахин: «Иди, недотепа, иди! Разве ты в своей жизни сможешь сам заработать хоть грош?» Он кричал на меня и давал мне оплеухи на глазах у всех новых родственников. Но кто толкает вас в такую нищую, простецкую семью?

– А старую еврейку с дочерьми не жалко? – спрашивает Борух-Лейб после долгого печального молчания.

– Старую еврейку с дочерьми жалко и умирающего папиросника тоже жалко, но вы так же женитесь из жалости, как здесь вырастут волосы, – показывает реб Довид-Арон на свою ладонь и с кривой усмешкой выходит из дома Боруха-Лейба, полный пренебрежения к стекольщику и предсказателю, изображающему из себя праведника.

Борух-Лейб прилег. Но перед его глазами стоял вержбеловский аскет и все тыкал пальцем правой руки в раскрытую ладонь левой. Ладонь становилась все больше и больше, пока предсказатель не разглядел, что это на самом деле рука папиросника, который не раз у него спрашивал, пока не слег, сколько ему суждено жить. В голове Боруха-Лейба билась мысль, что это нехорошо, что он вечером не зашел еще раз к Фейгельсонам. Как можно оставить смертельно больного на руках перепуганных женщин! Перед глазами старого холостяка все еще была протянутая рука папиросника с растопыренными пожелтевшими пальцами. Потом рука исчезла, словно в бездну провалилась – и Борух-Лейб проснулся.

Он оделся и вышел на рассвете в тихий пустой двор. На каменные стены высоких зданий уже лег первый золотой отблеск солнечного пламени, а внизу, в узких тесных переулках еще дрожал свет бледнеющего ночного неба. Борух-Лейб удивился: днем он совсем не замечает, что над его головой так много неба, хотя он стекольщик и вставляет оконные стекла. Он увидел, как из-под закрытых ворот и темных лестниц выныривают жирные черные кошки и перебегают ему дорогу. Раньше Борух-Лейб никогда не боялся дурных примет: встретить христианского священника, человека с пустым ведром или черную кошку, – но на этот раз его сердце дрогнуло: не принесет ли ему нынешняя прогулка беды на всю жизнь? На улице, как и в большом дворе Фейгельсонов, было еще пусто и тихо. Только через занавешенные окна нижней квартиры, в которой жила семья папиросника, пробивался желтоватый свет. Борух-Лейб подошел ближе и вздрогнул: изнутри до него донеслись сонные голоса, читающие псалмы.

Покойник уже лежал на полу под черным одеянием. Половинка зеркала над старым комодом была закрыта белой простыней, пугавшей больше, чем эта чернота. Вокруг усопшего горело множество свечей, принесенных соседями. Дочери ровным рядом сидели на табуретках, сложив руки на животах, и высохшими глазами смотрели на покойника, накрытого черным. На их головах были черные шали, словно они уже собрались на похороны. Но их мать и теперь не покрывала свою седую голову платком.

Злата-Баша поправляла фитили расставленных вокруг усопшего сальных свечей и переругивалась с двумя чтецами, упрекая их, что они больше дремлют и чешутся, чем читают псалмы. Один из них, еврей с жидкой седой бородкой, не смолчал: «Вы злая женщина. Вы никому в жизни не желаете добра». Старшая дочь Нисл подняла голову и дрожащим голосом попросила мать: «Перестань ругаться. Какая отцу разница? Сколько бы псалмов по нему ни прочитали, он уже не оживет». Нисл, девушка на выданье, первой заметила вошедшего Боруха-Лейба и, закрыв лицо руками, всхлипнула. Но мать сирот, Злата-Баша, набросилась на него, схватила обеими руками и завопила:

– Ты, только ты теперь наше единственное утешение и единственная опора в жизни. Сначала Б-г, а потом ты.

– Я женюсь, женюсь, – промямлил предсказатель Борух-Лейб и попытался вырваться из ее объятий. Но старая еврейка еще крепче прижала его к себе.

– Я знаю, что вы с Нисл поженитесь, знаю, что ты и меня и моих детей не бросишь, – продолжала кричать Злата-Баша так, чтобы и мертвый услышал, чтобы чужие чтецы псалмов и стоящие вокруг свечи слышали, чтобы все были свидетелями обещания этого парня. Девушки смущенно переглянулись. Но как бы их ни возмущали речи матери и ее поведение, они не хотели с ней ссориться, когда отец лежит мертвым на полу.

Наконец предсказатель вырвался из объятий Златы-Баши, отстранился от нее, посмотрел на лежащего под черным одеянием покойного и мысленно обратился к нему: «Содержать мать с остальными дочерьми я не обещал. Как я могу это сделать?» Борух-Лейб верил, что живой слышит только тогда, когда с ним говорят вслух, но мертвый слышит и тогда, когда с ним говорят мысленно и он знает, что о нем кто-то думает.

Перевод с идиша Велвля Чернина

В серии «Проза еврейской жизни» издательство «Книжники» в ближайшее время готовит к выпуску первое русское издание «Немого миньяна» Хаима Граде.

[1] Последний месяц еврейского календаря, приходящийся на конец августа – начало сентября. Считается временем подготовки к Дням трепета.

[2] Здесь: хасидский праведник-чудотворец.

[3] Согласно традиции, перед праздником Песах проводится тщательнейшая уборка всего дома.

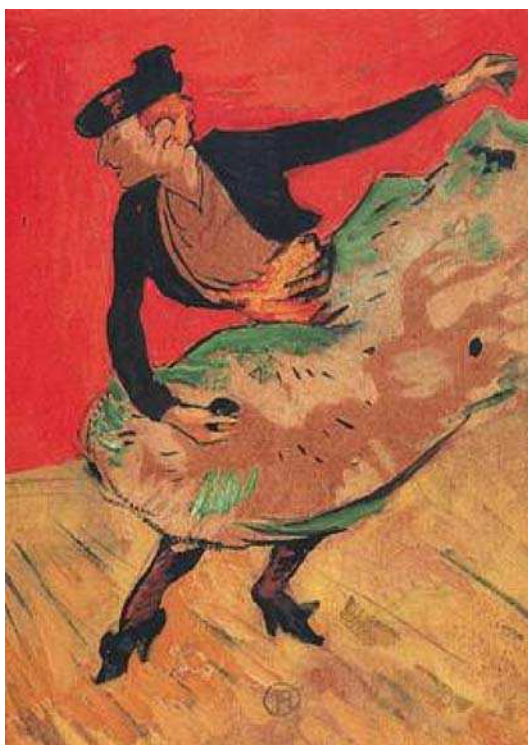
[4] Знаменитая Виленская еврейская библиотека, носившая имя ее основателя, филантропа и библиофила рабби Матитьяу Страшуна (1817–1885).

ЛЕХАИМ ИЮНЬ 2009 СИВАН 5769 – 6(206)

ОДЕССКИЕ НОВОСТИ И ОДЕССКИЕ РЕДКОСТИ

Ėāīēā Ėāōēī

«Одесские новости» – так называлась некогда знаменитая газета, в которой кто только ни печатался. Сейчас же это название кажется наиболее подходящим для обзора одесской литературы и книжной продукции о русско-еврейской Одессе последних полутора веков. Обзор, а не серия рецензий уместен здесь потому, что книги эти во многом дополняют друг друга и даже словно бы вступают в диалог.

Практически все издания, о коих пойдет речь, отпечатаны тиражом от 100 до 350 экземпляров. И это еще одна причина, по которой нам захотелось рассказать об этих одесских раритетах куда более широкому читателю «Лехаима».

Начнем со 100-экземплярного сборника «Кирсанов до Кирсанова»^[1], составленного по материалам Одесского литературного музея Аленой Яворской и Евгением Голубовским (последний написал и предисловие к нему). В книгу вошли стихи Кирсанова, написанные с 1916 до 1922 года (т. е. первые из помещенных здесь текстов созданы одесским вундеркиндом в 10 лет). О самых ранних кирсановских стихах Голубовский пишет: «Как видно, слыша разговоры родителей о еврейских погромах, о сионизме, о Палестине, по сути первые стихи (как, кстати, и Самуил Маршак почти в таком же возрасте) он посвящает возможности создания еврейского государства. Маршак назвал этот свой юношеский цикл “Сиониды”. Кирсанов не нашел названия своему циклу, но термин “Сиониды” здесь очень уместен. Эта тема обрывается через два-три года».

Здесь, в общем-то, все верно, кроме одного. Маршак писал свои «Сиониды» в начале 1900-х годов, когда Сионистский конгресс только-только принял решение о создании еврейского государства в Палестине. А юный Кирсанов стал сочинять уже после того, как стала известна Декларация Бальфура и войска генерала Алленби вошли в Иерусалим. Дата под «сионидами» Кирсанова – начало 1918 года, и содержание соответствующее: «Это не был призрак страшный, / Нет, то вестник счастья был, / Весть свободы Иудей / Этот первый нам открыл! / Им восстание свершилось / Или Б-жья кара / Уж на турок обрушилась? / Нет, Британией великой, / Также волей Короля / Будет дана иудеям / Иудейская земля!»

И еще несколько аналогичных полудетских стихотворений юного Самуила Корчика – будущего Семена Кирсанова, – навеянных не столько рассказами о погромах, сколько потрясшим далеко не только 10-летних отроков событием, завершившим 1800-летний период еврейской истории. Эти стихи, бесспорно несовершенные и газетные, типичны для своей поры и бесценны для понимания того, как дети еврейских родителей в первые десятилетия XX века входили в русскую литературу. Подобные подборки позволяют, как мы увидим, выстраивать настоящую типологию духовного развития русских евреев, даже ушедших в итоге из русско-еврейского мира.

Многие стихи Кирсанова написаны под существенным влиянием не только очевидного Хлебникова времен первой мировой и Гражданской, но и не ставшего еще полноправным имажинистом Вадима Шершеневича и т. д. Если же сопоставить древнерусские вариации Кирсанова с аналогичными русскими патриотическими стихами Э. Багрицкого, то не покажется странным и покровительство старшего товарища юному Семе. В любом случае выявление одесской (и «внеодесской») поэтической родословной Кирсанова можно только приветствовать.

Если книга «Кирсанов до Кирсанова», будучи библиофильским изданием, не претендует на научность, то статья ее составителя Алены Яворской «Рукописи Семена Кирсанова в фондах Одесского литературного музея» в сборнике «Дом князя Гагарина»^[2] имеет абсолютно иной характер. Это и подробное описание той коллекции ранних рукописей Кирсанова, на основе которой подготовлена проанализированная выше книга, и история собирания этих рукописей, и археографическое описание стихотворных текстов, писем и других документов поэта, и характеристика тех материалов кирсановского архива последующих десятилетий, что хранятся в Одесском литературном музее. В итоге этот текст, вошедший в альманах, изданный тиражом 1000 экземпляров, оказывается важнейшим дополнением к малотиражной книжке. Вывод очевиден: когда-нибудь, при возможности, книга и статья просто обязаны сойтись под одной обложкой.

Но вернемся к «Дому князя Гагарина». Интересна статья А.И. Божко «Одесские сатирические и юмористические издания второй половины XIX – начала XX века». Понятно, что знаменитый одесский юмор появился не на пустом месте – сначала нужно было «потренироваться» на своих. Отмечая участие массы знаменитых и неизвестных евреев в создании летучих журналов-однодневок или знаменитого одесского «Крокодила», автор добавляет: «Нужно сказать, что сатирическая пресса выходила в Одессе не только на русском языке, но и на языке идиш для еврейского населения. Итак, в 1905–1907 гг. в городе выходили следующие издания: газеты “Дер Хавер” (“Товарищ”), 1905 г., “Дер Такшитель” (“Паника”), 1906 г., “Дер Сод” (“Секрет”), 1906 г., “Дер Эмигрант” (“Эмигрант”), 1906 г., “Лековед Йонтев” (“В честь праздника”), 1906 г., “Лековед Шаббат Ун Йонтев” (“В честь субботы и праздника”), 1907 г.». Даже этот небольшой список производит сильное впечатление, демонстрируя изменение – на очень коротком временном отрезке – настроения еврейского населения по отношению к событиям первой русской революции. Забавно выглядит переход от «товарища» к «панике», затем – к революционным «секретам», а от них к «эмиграции» и неожиданному интересу к иудейским праздникам. Хотя не до конца понятно, почему в последнем случае идишская Суббота – «Шабес» – транслитерирована согласно сефардской ивритской традиции как знакомый всем сегодня «Шаббат». Впрочем, это легко может быть исправлено тогда, когда начнется систематическое описание идишского сегмента одесской сатирической печати. А взглянуть на него было бы весьма небезынтересно, памятуя о ситуации в Одессе времен революции 1905–1907 годов, описанной, например, в «Чужбине» В. Жаботинского.

Сейчас мы отвлечемся от описания «Дома князя Гагарина», чтобы вернуться к материалам сборника ниже и совсем в другом контексте. А пока обратимся к книге «Фазини»^[3], составленной А.И. Ильф, А. Яворской, И. Кричевским. Тираж ее вновь невелик – 350 экземпляров.

Настоящее имя родного брата знаменитого Ильи Ильфа – художника-графика, живописца и фотографа Сандро Фазини, родившегося, в отличие от трех младших братьев, в Киеве, – было Сруль Арьев Файнзильберг. Как автор пары стихов и сатирической графики он упоминается и в статье Божко, о которой мы уже говорили. Сведения о Фазини находим и в альбоме «Одесские парижане. Произведения художников-модернистов из Коллекции Якова Перемена. Музей русского искусства им. Марии и Михаила Цетлиных. Рамат-Ган» (выпущен издательством «Мосты культуры» в 2006 году), составленном Лесей Войскун. И ее тексты, и работа Алены Яворской, впервые опубликованная в четвертом номере одесского альманаха «Мория», включены в книгу о Фазини. Однако основные материалы взяты из архива А.И. Ильф.

Это довольно обширные письма самого Фазини и его жены в Москву Илье Ильфу или отцу художника в Одессу. Есть здесь и трагическое письмо Фазини американским родственникам, где художник умоляет помочь ему уехать из Советской России, так как остаться в ней означает смерть. Немало места в переписке занимает описание перипетий издания «Двенадцати стульев» во Франции, приездов Фазини в Россию и встреч с братом. Приведено и письмо художника вдове Ильфа после его смерти. Многие материалы получены от американских родственников семьи – родословная, семейные фотографии и т. д.

Сильное впечатление производит сочетание статей Александры Ильф и ее сына Ильи Кричевского, живущего в Израиле. Сама А. Ильф откровенно пишет: «В сущности, я ничего не знала о Фазини. Мои детские воспоминания: я рассматриваю старую одесскую фотографию семейства Файнзильбергов (не могу даже выговорить эту фамилию). Вот дедушка, вот бабушка, вот их сыновья, братья Ф. – мой отец и мои дяди». Это искреннее «не могу даже выговорить» и «Ф.» лучше, чем любые исследовательские выкладки, демонстрирует тот разрыв поколений, который произошел в семье, где два брата-художника и один писатель выбрали себе псевдонимы и лишь единственный брат сохранил до конца дней семейную фамилию. По-видимому, тогда переход что в русскую, что во французскую культуру (заставивший даже Шагала превратиться из Моисея в Марка) предусматривал подобный шаг со всей неизбежностью, даже если носители псевдонимов не забывали о своем происхождении. Со словами племянницы коррелирует и первая фраза письма Фазини в Америку из Константинополя, где тогда оказался убежавший из Совдепии художник: «Дорогой дядя Натан, вчера наконец я получил Ваше письмо от 30 марта. Я очень обрадовался ему и прослушал его (к сожалению, я не знаю еврейского языка) с большим вниманием...» – а сегодня уже американские родственники не говорят по-русски. И это тоже повороты еврейской истории XX века. Той самой истории, которая привела относительно благополучного французского художника и его жену к гибели в Освенциме. Теперь работы Фазини включены в трагический каталог-мартиролог «Еврейские художники в Париже 1905–1939», его картины попали в собрание произведений художников-жертв Холокоста Оскара Геза и хранятся в музее при Хайфском университете, выставляются на выставках в «Яд ва-Шем» в Иерусалиме. Обо всем этом рассказывает внучатый племянник Фазини Илья Кричевский.

Семья Файнзильберг. Одесса. 1906/1907 год.

Слева направо: сын Михаил, мать Миндель Ароновна, сын Александр (будущий Фазини), отец Арье Беньяминович, сын Илья (будущий Ильф), (в центре внизу) сын Вениамин.

Невеселый конец биографии брата веселого и грустного Ильфа позволяет нам вновь вернуться к четвертому выпуску «Дома князя Гагарина», важнейший материал которого – удивительный дневниковый текст об оккупированной Одессе, принадлежащий Адриану Оржеховскому (1876–1960). По-видимому, возраст и жизненный опыт, приобретенный задолго до октября 1917-го, позволили Оржеховскому, пережившему и голод 1930-х, и трагические дни оккупации, занять с уходом советской власти и приходом румынских войск позицию мудрого наблюдателя, необычайно уравновешенную по отношению ко всему происходящему. С одной стороны он с радостью достает иконы и идет в открывшуюся церковь, а с другой – презирает тех, кто при Советах уничтожал иконы, а теперь просит их у него. С одной стороны, он не умаляет роль евреев, в том числе одесситов, в событиях революционных лет, а с другой – евреи для него нормальные люди, имеющие такое же право на жизнь, как и все остальные, люди, над которыми нельзя издеваться, которых нельзя оставлять голодать и т. д. Оккупация Одессы румынами, при всех омерзительных подробностях, все же отличалась от немецкой, и некоторые евреи возвращались в свои дома. Оржеховский описывает отвратительные сцены ограбления еврейских квартир соседями и их конфликты со старыми хозяевами.

Читая брошенные собрания Толстого и Достоевского, Оржеховский пытается найти нравственную и интеллектуальную позицию, которая позволила бы осмыслить происходящее во всей сложности: «Вчера вышел первый номер газеты, я его не читал и не видел. Москва пала. Сегодня мне сказали, что Ростов и Севастополь взяты. Пропала великая, свободная Россия. Большевики угробили ее. Ленин начал, а Сталин добил. Будь они оба навеки прокляты. Но кто поддерживал этих мировых выродков, получил и получит по заслугам. Тысячу раз был прав Гитлер, когда в Берлине на площади совершили аутодафе нал Карлом Марксом и коммун<истической> литературой. Вот кто достоин всяческой благодарности за избавление нас из-под

дьявольского ига коммунистов. Теперь настает возрождение нашей демократической жизни. Но сколько на мою долю ее придется – вот вопрос, и увидим ли мы наших детей».

Казалось бы, все ясно: перед нами человек, готовый приветствовать оккупантов, громить евреев и т. д. Ничего подобного! Буквально в том же абзаце Оржеховский рассказывает о женщине, которая вернулась из тюрьмы, где румыны держали согнанных евреев, домой за продуктами и обнаружила, что все разграблено соседями: «Наши мерзавцы, некоторые из соседей, украли из сарая К. все продукты! А ведь когда разбирали сараи под видом проверки, нет ли оружия, хотели забрать продукты, но я уговорил их оставить до прихода хозяев. Но соблазн был слишком велик, сердце и глаза не выдержали. Кстати, Бетя – наша коровница – сегодня пришла из тюрьмы, ее отпустили за продуктами, т. к. ее трое детей голодают. Она говорит, что все они задержаны как заложники и впоследствии, если все будет благополучно, их выпустят. Но о тех, кого погнали в Дальник, ничего не известно. Ходят разные чудовищные слухи, но они не проверены».

И далее, читая о Варфоломеевской ночи и вспоминая о временах Средневековья, Оржеховский встраивает видимое им в большой исторический контекст, что, с учетом обстоятельств создания дневника, само по себе поражает и восхищает. Пожалуй, микроскопический тираж сборника «Дом князя Гагарина» наиболее несправедлив именно по отношению к этой публикации.

А. Оржеховский с женой. 1950 год

Последний наш герой, поэт и переводчик Марк Тарловский, родился в 1902 году в Елисаветграде и с 10 лет жил в Одессе. Он пережил обе мировые войны, но как поэт оставался практически неизвестен вплоть до выхода – почти через 60 лет после его смерти (Тарловский умер в 1951 году) – однотомного, но весьма представительного собрания его поэтического наследия[4]. Думая об истории «русско-одесской

литературы», нельзя пройти мимо этой привычно малотиражной (500 экз.), но почти 700-страничной книги, где, среди прочего, помещена огромная мемуарная поэма 1935 года о Багрицком и одесской литературной среде (среди ее персонажей, кроме Багрицкого, – Л. Славин, И. Ильф и др.).

Начнем, однако, с биографии, изложенной в послесловии Е. Витковским и В. Резвым: «Марк Ариевич-Вольфович Тарловский (по еврейской традиции были, видимо, у него и другие имена) родился... в Елисаветграде... Двоюродный брат Тарловского – еще один уроженец Елисаветграда Абрам Маркович Гольденберг (1897–1968), известный под псевдонимом “Арго” (позднее “А. Арго”), соавтор Николая Адуева». А учился Тарловский в Одессе в той же гимназии Н.Ф. Черткова, где и Остап Бендер, роман о котором окажется упомянут в мемуарной поэме. Имя Арго нам еще встретится, пока же стоит упомянуть, коль скоро речь идет о еврейском круге, что Адуев тоже не «Иванов».

Авторы статьи приводят замечательный список ранних несохранившихся текстов Тарловского, который начал писать в восьмилетнем (еще более юном, чем даже Кирсанов) возрасте: «От первых пяти лет творчества остались одни названия – их Тарловский сохранил в списке литературных работ, составленном в 1945-м, неведомо для каких надобностей: “1910 – басни; 1911 – „Погром“ (пьеса); „Иван Сусанин“, „Под сенью Б-га“ (отрывок поэмы), „Моисей“ (отрывок поэмы), „Еврей“; 1914 – „Погром“ (поэма), „Еврейский пожар“, „Вильгельм II“, „Слава Бельгии“ (не подражание ли Верхарну? – Л. К.), „Позор Германии“”. Тематика более чем ясна, а в остальном, надо полагать, была это обычная ювенилия». Разумеется, это так, но как тут не вспомнить данную Голубовским характеристику начального этапа творческого пути Кирсанова! Только названия и даты «еврейских» стихов Тарловского связаны с началом первой мировой войны, с погромами в прифронтовой полосе, обвинениями евреев в шпионаже в пользу Германии, а также, по-видимому, с мессианскими настроениями автора.

Если поместить поэта в ряд Маршак – Тарловский – Кирсанов, то выстроится нечто вроде «хронологической типологии» вхождения в русскую литературу мальчиков из еврейско-русской среды в первые полтора десятилетия XX века. В целях дальнейшей «типизации» выходцев из еврейства, рвавшихся в русскую словесность, уместно вспомнить, что и Багрицкий, и Мандельштам, и другие писали стихи относительно еврейского содержания одновременно с прославлением русского оружия, Суворова, русских богатырей и т. п.

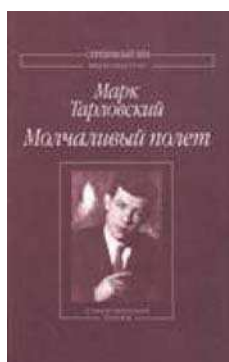
В составивших «водолеевский» том стихотворениях Тарловского «еврейского» не слишком много. Зато поэма «Веселый странник», написанная во многом на «южно-русском» (локальном, как говорили тогда конструктивисты, чьим «официальным» пародистом был Арго) языке, полна соответствующих реалий. Здесь даже морские волны оказываются еврейскими: «Прощайте, портофранковские рейсы! / Гулял лишь ветер, вольный, как Махно, / И резал волны, пышные, как пейсы», а зашедший в парикмахерскую «Венский шик» герой так оценивает лукавого парикмахера: «...юноша подумал: “брей, старик, / – Ты Вечный Жид, но я тебя не выдам...”»

Разумеется, не оставлена без внимания и двойная русско-еврейская поэтическая родословная Багрицкого: «И может быть, переплелись вконец / Там нити небывалой родословной, / Где ходит в пейзажовичах отец, / А мать зовут, наоборот, Петровной. / Дед по мамаше – русский феодал, / Дед по папаше – хедерский меламед / И внука рвут на части, и – скандал, / И неизвестно, кто переупрямит». И даже Пушкин

в исполнении Веселого странника звучит так: «Я вам клянусь пайком и непайком / Я вам клянусь мечом и старой бритвой, / Клянуся вам украинским шпигом / Клянуся вам еврейскою молитвой / Я первым днем волнений вам клянусь, / Я вам клянусь последним днем блокады, / Что если там не окорок, то гусь, / Ощипанный, сырой и белозадый!»

Цитировать можно долго, но не обойти традиционной для «юго-руссов» стихотворной имитации «одесского языка». На сей раз речь идет о разносчиках газет, которых когда-то в Одессе называли «Ицок»: «Ты сгинул Ицок, чьей рукой рассеян, / Распродан в розницу газетный вздор... / Ты задыхаясь и боясь просрочки, / В сердцах посасываяющим кефир / Метал строкой: “Отец – насильник дочки!” / И томагавком – “Немцы хотят мир!” / Теперь ты миф. Уже не слышно, Ицок, / твоих провозвестительных фанфар, / Инсценировкой в трех небритых лицах, / Мошенством – уй – стал, Ицок твой товар».

Но кроме этих довольно очевидных вещей есть в поэме и литературная полемика, которую вряд ли уловит ухо «массового» читателя этих самых 500 экземпляров. А знать ее небезынтересно. Вот, например, в 3-й главке, говоря о мучающей Багрицкого астме, Тарловский пишет неожиданно резко: «Крепка / Бульдожья хватка астмы bronchialis / Теперь сиди, читай стихи Адалис, / От кашля скалясь, морщась для плевка». Если бы не строки из 4-й главы, можно было бы подумать, что здесь какая-то личная ненависть к Аделине Адалис. Однако чуть ниже читаем о голосе Багрицкого, звучащем по радио или на вечерах памяти поэта: «Вот звуковая, говорят мне, пленка, / Подделан тембр Андронниковски-тонко... – / Я рву билет, где напечатан зов / На вечер отзвучавших голосов». Здесь имеется в виду книга Адалис «Власть», вышедшая в 1935 году. На нее, кстати, совершенно иначе откликнулся в воронежской ссылке Осип Мандельштам, хвалебно процитировавший как раз те строки Адалис, которые так возмутили Тарловского: «Нам голос умершего друга / В глубокую полночь звучал... / По радио передавалась / Былая повадка сполна. / Едва выносимая жалость / Шатала меня как волна... / Сердитый, смешной и знакомый, / Он громко дышал и хрипел, / Он громко о жизни зеленой, / О воинской свежести пел...» Так полемически начинают звучать стихи Тарловского при выявлении скрытых подтекстов.

Поэтическая судьба самого Тарловского была далека от благостности. Всю жизнь он – переводчик, не имеющий возможности печатать собственные стихи, – переводил (и сочинял разного рода квазипереводные) «национальные» «оды» Сталину. Ему пришлось дожить до времени борьбы с космополитизмом, каковой кампании посвящена сатирическая поэмка о том, как некие безродные космополиты пытаются отнять у русского народа его основное достояние – русский мат. Ничего подобного нам читать еще не приходилось.

Очевиден полемический подтекст в не до конца понятном стихотворении, написанном 1 апреля 1947 года к 50-летию Арго и отражающем чудовищную литературную жизнь того времени: «Мой дорогой! Когда столь дружным хором / Тебя приветствовал сановный зал, / Я мыкался по смежным коридорам / И ничего, как помнишь, не сказал. / Но спич и свой за пазухой имея, / Предельно тем я был, в немотстве, горд, / Что глас гиганта с голоском пигмея, / Твой подвиг чтя, в один слились аккорд; / Тем, что легла с кристаллами корунда / На твой алтарь замазка для окон, / Что приложил к червонцу Сигизмунда / Свой медный грош и Бобка-рифмогон...» и чуть ниже: «Ну ладно, друг! на росстанях житейских, / Пред русской речью расшибая лбы, / И пафоса, и скепсиса библейских / С тобой мы оба верные рабы. / В чем грешен я, я сам отлично знаю, / А невпопад меня уж не кори. / Не думай друг, что слезы я роняю: / Поэзия пускает пузыри...»

Упомянутый здесь Сигизмунд – это прозаик С. Кржижановский, как и Тарловский, практически не печатавшийся при жизни. А вот «Бобка-рифмогон», как указывают комментаторы, – Борис Пастернак. Если вспомнить, что Кржижановский был консультантом шекспировских переводов Пастернака^[5], а в 1947 году Пастернак как раз боролся за переиздание своего Шекспира и, не добившись этого, начал переводить «Фауста» вкупе с Шандором Петефи (за которого требовал у Симонова повышенный гонорар), то можно понять состояние Тарловского перед юбилеем Арго – то есть в то самое время, когда Фадеев и Сурков резко критиковали лирику Пастернака, а тот компенсировал потерю возможности печатать оригинальные стихи все новыми и новыми переводами...

Вот такими предстали перед нами судьбы бывших «веселых странников» – одесситов. И, кажется, нет надежды на то, что следующие встречи с другими героями литературной истории «юго-запада» окажутся веселее.

[1] Кирсанов до Кирсанова. Одесса: Зодиак, 2007.

[2] Дом князя Гагарина. Вып. 4. Одесса: Моряк, 2007.

[3] Фазини: 1893–1944. М.: Репроцентр, 2008.

[4] Тарловский М. Молчаливый полет. Стихотворения. Поэма. М.: Водолей, 2009.

[5] За это указание мы благодарны исследователю «шекспиризма» Кржижановского И.Б. Делекторской.

ЛЕХАИМ ИЮНЬ 2009 СИВАН 5769 – 6(206)

Лев Усыскин:

«Человеку полезно побывать в меньшинстве»

Àáññò àáññò Ì èòàèè Ýáèèùò òàéí

Первая книга питерского прозаика Льва Усыскина – «Медицинская сестра Анжела» – вышла в 2005 году, недавно появилась вторая – «Русские истории». В 2007 году он вошел в шорт-лист премии им. Юрия Казакова за лучший рассказ года, а в 2009-м стал лауреатом премии «Вольный стрелок: серебряная пуля». Но разговор наш со Львом Усыскиным начался не с поздравлений, а с давно занимавшего меня вопроса.

– Практически в каждом уважающем себя израильском городке есть улица Усышкина. Ты родственник известному сионисту Менахему Усышкину, в честь которого названы все эти улицы?

– Видимо, родственник. В Чикаго есть профессор математики, который в свободное время изучает родословие всех Усыскиных и Усышкиных с целью доказать, что все они родственники. Частично он в этом преуспел, но пока не до конца. Насчет сиониста точно не помню, но знаю, скажем, что он доказал родство нашего дерева с физиком Ильей Усыскиным, который погиб в 1934 году на стратостате «Осоавиахим-1».

Фамилия Усыскин происходит от белорусской реки Усыса (приток Западной Двины). Мой дед родился в Велиже, но потом покинул черту оседлости и переехал в какое-то из псковских сел, где командовал лесопилкой, а в 1921 году оказался в Питере.

– Ты из технической семьи, сам по образованию физик. Как тебе пришло в голову стать писателем?

– Писателем я хотел стать с детства. Мне казалось, что это, во-первых, возможность давать волю своей фантазии, а во-вторых, способ получить несколько большую долю свободы, чем полагалось советским гражданам (впрочем, это, наверное, уже чуть более позднее ощущение). Если бы я рос сейчас, я б ни за что этим не соблазнился. А тогда писательство казалось одним из самых коротких путей добиться особого к себе отношения.

– Ну и как, стали к тебе по-особому относиться?

– Конечно, нет. Среда изменилась настолько, что этот выбор оказался абсолютно неправильным. Но я довольно много к тому времени успел вложить усилий

в писательское ремесло – душевных, физических, каких угодно, и было обидно бросать эту дорогу, коль скоро так далеко уже по ней зашел.

– А физику бросать не обидно было?

– Нет, я всегда осознавал, что это не мое. Но когда я заканчивал школу, поступить в приличный гуманитарный вуз еврею было практически невозможно, потолком был пед. Да и вообще негуманитарное образование – штука полезная. Я учился в МФТИ по специальности «системы управления», то есть это не чистая физика, а скорее какие-то кибернетические вещи. Получил хорошее образование, два года потом проработал по специальности. Но всегда понимал, что могу бросить это дело без особых душевных терзаний.

А после третьего курса физтеха я довольно много времени проводил на истфаке МГУ, на отделении истории искусств. Я ходил на занятия с вечерними группами и был там чуть ли не единственным мужчиной, к тому же имеющим техническое образование и не обязанным писать конспекты, так что именно я сидел у лекционного слайдопроектора. Поэтому мое отсутствие было на порядок заметнее, чем отсутствие какой-нибудь студентки, и я старался занятия не пропускать.

– А сочинять ты когда начал?

– По пути из школы домой. В школу я доходил минут за семь, а обратная дорога занимала у меня около часа, потому что я придумывал какие-то истории с приключениями. И узнать, что есть такая профессия, которая заключается в придумывании историй, изложении их на бумаге и издании, было очень заманчиво.

Примерно тогда же я начал свои рассказы записывать. Я писал один рассказ, и он мне нравился, пока я не ставил точку. Но потом писался следующий, и с высоты этого опыта предыдущий признавался никуда не годным и отправлялся в мусорную корзину. И так продолжалось лет до 22-х.

В какой-то момент я взял паузу и ничего не писал в течение года, и это тоже оказалось любопытное ощущение. А потом вдруг я с удивлением обнаружил, что написанное мне уже не хочется выбрасывать. Возник такой странный эффект: я мог перечитывать эти тексты, как будто они написаны не мной. Эффект отчуждения текста. То есть это был такой рубеж, 1987 год. То, что я тогда написал, мне и сейчас не стыдно показывать людям, печатать, пусть и с изменениями какими-то.

После этого я жил еще лет десять, продолжая писать, но ничего не публикуя, абсолютно вне литературной среды. А потом появилось странное чувство, что объем написанного начинает от своего имени выступать и требовать, чтобы что-то с ним сделали. В 1997 году у меня состоялись первые литературные публикации: в «Неве», в питерском «Постскриптуме» и в весьма добротном тогда журнале «Медведь».

– А в «Медведь»-то ты каким образом проник?

– Я туда пришел с улицы – просто приехал в Москву и с утра начал обходить редакции, сверяясь по телефонному справочнику. У меня было дурацкое убеждение, что глянцевые журналы просто спят и видят, когда им принесут рассказы. Оно быстро рассеялось, но до этого я успел обойти почти все глянца, благо их тогда было немного.

Я еще не знал, что в редакции раньше часа дня приходить смысла не имеет, и поэтому в «Медведе» никого не застал, кроме каких-то очень симпатичных девушек, которые, узнав, что я из Питера, растаяли душой и разложили мои рассказы по всем ответственным столам. Буквально через полтора часа мне перезвонили и сообщили, что будут мой рассказ публиковать. Вот такой дебют.

– Многие твои рассказы практически лишены авторского голоса, построены как монтаж прямой речи персонажей. Почему так?

– Ну, это просто отсечение лишнего. Герои могут сами за себя говорить достаточно ярко, так что никакие ремарки не требуются. Более того, иногда и речь героя можно подсократить, оставив от диалога ровно половину. Человек говорит по телефону – совершенно необязательно знать, что ему отвечают в трубку, можно оставить только его реплики.

Меня в свое время поразили Сэлинджер, причем не столько даже «Над пропастью во ржи», сколько рассказы. Поразили именно повествовательной плотностью. Минимум информации, которой, однако, достаточно для того, чтобы все понять. Сначала это немного обескураживает, ты недоумеваешь, почему рассказ на этом месте закончился, или, наоборот, думаешь, что в начале должна быть какая-то предыстория. А потом осознаешь, что и не нужно ничего, все сказано.

– Кроме Сэлинджера, ты какие влияния испытывал?

– Я думаю, очень сильно на меня повлияло советское кино. Тут, наверное, то же, что и в случае с Сэлинджером, – умение четко ограничить нарратив. Зритель видит только то, что попадает в объектив камеры, при этом его нужно заставить поверить, что во все стороны за кадром простирается вселенная, частью которой является пространство в объективе. Ты не можешь сказать все, но ты можешь сказать что-то так, чтобы читатель почувствовал все, создать своего рода голограмму.

– А в современной литературе ты себя в каком-то ряду видишь?

– У меня есть смутное ощущение, что все живое в современной русской прозе является прямым продолжением того, на чем литература остановилась примерно в конце первой трети XX века. И все интересное в литературе 70-х – Венедикт Ерофеев, Евгений Харитонов – вплотную примыкает, скажем, к орнаментальной прозе 20-х. А все советское, написанное за это время, – совершенно мимо.

– Откуда твой интерес как прозаика к историческому материалу?

– Литература по определению нацелена на экспансию, она просто обязана расширять охват материала. Это не возможность, а именно обязанность. Если литература этого не делает, значит, что-то тут не так, что-то ей мешает, и присутствует некий вызов эту помеху устранить. В частности, есть ощущение, что что-то мешает русской литературе всерьез распространиться на XVIII век.

– Я как раз хотел спросить: центр твоих исторических интересов, судя по колонкам на Полит.Ру, – XVIII век и раньше, а рассказы, вошедшие в новый сборник, в основном написаны на материале XIX века. В чем причина?

– Да, действительно я на сайте Полит.Ру веду исторические колонки, посвященные юбилеям разных событий, более или менее важных, с моей точки зрения. Это такая попытка взглянуть на события прошлого в терминах современной жизни. Мы сейчас говорим, допустим, о проблеме прав собственности в России, о государственном предпринимательстве. А что, если попытаться в этих понятиях описать какие-то события прошлого? На мой взгляд, часто получаются очень поучительные картинки.

В большинстве колонок речь идет о XVII–XVIII веках – это важнейший, наиболее насыщенный и интересный период русской истории. Но вот в литературе он почему-то представлен очень слабо. Кроме «Капитанской дочки», нескольких романов Лажечникова и Данилевского, полутора произведений Ходасевича и нескольких вещей относительно недавнего прошлого ничего приличного так сразу и не вспомнишь. Разные Пикули, конечно, есть, но это не в счет.

– А «Петр Первый»?

– Ну, «Петр Первый» – да, и тот недописан. Пушкин хотел про Петра писать – не написал, «Арапа Петра Великого» начал – бросил. Что-то мешает. Вот фильмы про эту эпоху легче снимать, их довольно много. А перед русской литературой этот вызов по-прежнему стоит.

– Ты сам как-то собираешься эту амбразуру закрывать?

– Это очень сложно технически, знать нужно слишком много всего. Но жизнь не кончается, зарекаться не буду.

– А когда ты пишешь о русской истории, у тебя не возникает какого-то ощущения дискомфорта? То, что ты еврей, накладывает на тебя дополнительные ограничения?

– Нет, национальная культура не бывает моноэтничной, она всегда включает в себя куски других культур, а то и целиком другие культуры. Соответственно, и самосознание людей, которые в этой культуре существуют, образует определенный спектр – и это хорошо, это способствует объемности картины мира. Главное достоинство русской культуры как раз в том, что она очень легко инкорпорирует в себя все, что видит вокруг. При этом она не растворяет инкорпорируемое в себе без остатка, как, скажем, культура китайская. У человека есть возможность оставаться, с одной стороны, остзейским немцем, а с другой – быть русским профессором. В этом смысле я считаю себя совершенно типичным носителем русской культуры. Таких, как я, не просто много, а большинство.

С другой стороны, я рад, что помню свои еврейские корни, это меня с довольно раннего возраста приучило смотреть внимательно на определенные вещи и критически к ним относиться. Вообще, человеку полезно побывать в меньшинстве – тот, кто не имеет такого опыта, наверное, в чем-то ограничен.

ЛЕХАИМ ИЮНЬ 2009 СИВАН 5769 – 6(206)

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

לְיָמֵינוּ אֵין מִשְׁפָּט לְעַמּוּנוּ

Мне трудно давать экспертные оценки рынку еврейской книги на русском языке – я не читаю по-русски уже, наверное, лет 25, за исключением

нескольких любимых поэтов, которых перечитываю на ночь или ночью. Читаю английские, немецкие, французские, ивритские статьи и книги, иногда очень плохие, по специальности, чтобы писать другие статьи и книги, тоже не очень хорошие. Так что я представляю собой библиотеку ранее прочтенных великолепных художественных текстов с очень небольшими добавками чего-то нового.

Время от времени мне что-то попадает из современной израильской литературы, например, Шалев, А.-Б. Йегошуа. Они неплохо переведены, и писатели они неплохие, хорошо, что они есть по-русски. И вообще серия «Проза еврейской жизни» кажется мне удачной.

Мне очень не нравится, что переводится из Агнона. Агنون выглядит сегодня для русского читателя, которому доступны только его ранние произведения, местечковым сказочным прозаиком. Не переведены (насколько мне известно, я могу ошибаться) ни его зрелые новеллы, ни его великий роман «Шира», в котором нет никаких фантастических элементов. Это большая европейская литература, очень близкая по стилю и по типу к романам Томаса Манна. Этот Агنون на русском языке просто отсутствует, его нет.

Среди книг для моего узкого профессионального чтения на русском языке нет почти ничего. Читаю своих учеников в рукописи. Читаю то, что пишется по смежным специальностям, допустим, по истории или литературе русских евреев. Например, книги Олега Будницкого или Леонида Кациса. Но подобных книг так мало, что их можно почти не считать.

Для студентов очень важны те переводные книги по иудаике, которые можно использовать как учебники. Я сам инициировал перевод какого-то числа такого рода пособий, редактировал их, это абсолютно необходимо. Но большинство книг, даже используемых как пособия, на самом деле можно назвать учебниками с большой натяжкой.

То, что сделало за эти годы для академической иудаики издательство «Мосты культуры», – конечно, подвиг. Усилиями крошечного коллектива

выстраивается целая отрасль книгоиздания. Особенно я бы выделил перевод нескольких томов антологии Менахема Штерна «Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме», осуществленный под редакцией Нины Брагинской. Но все равно то, что переводится, – это капля в море. Сформировать по этой капле адекватное представление о состоянии дел в мировой иудаике весьма сложно. Однако студентам, особенно младших курсов, все это полезно, просто потому, что надо же им по чему-то готовиться. Тут другая проблема: в библиотеку нынешние студенты ходят очень плохо, в институтской библиотеке этих книг нет, на кафедре я их пытаюсь закупать – они исчезают. Купить – но они недешево стоят, а у студентов сплошь и рядом нет денег. Надо учесть, что поступают к нам люди далеко не только с мотивацией заниматься иудаикой как наукой. Абитуриент может хотеть выучить иврит, овладеть основной массой знаний по иудаике как по практической дисциплине, чтобы работать потом в посольстве или в коммерческой компании. Это вполне законная мотивация, Институт стран Азии и Африки вообще выпускает далеко не только и не столько ученых. Поэтому нельзя требовать от основной массы студентов, чтобы они были ориентированы на науку. А экзамены-то при этом им все равно нужно сдавать... В общем, с книгами полный «атас». Даже вышедшие книги существуют до известной степени виртуально – еще и в том смысле, что они висят – не очень легально – в Интернете. Вообще, если б я мог, я бы сразу по выходе всю специальную литературу официально вывешивал в Интернет. В книжном виде она бессмысленна, научного значения, как правило, не имеет, а вот значение просветительское могла бы иметь, если бы присутствовала в Сети.

Можно сказать: неспециалистам подобная литература не нужна, а специалист может и должен читать ее в оригинале. Но давайте смотреть правде в глаза – даже если человек читает на основных европейских языках, достать в России такого рода издания практически невозможно. В библиотеках нет ничего, межбиблиотечный абонемент почти не действует. Заниматься в России иудаикой, антиковедением, медиевистикой можно, только живя по паре месяцев в году за границей. Это касается всех гуманитарных наук, за исключением русистики. Поэтому перевести какую-то важную книгу на русский язык – это единственный способ доставить ее читателю, особенно провинциальному, крайне немногочисленному, но все-таки существующему. Кроме того, переводную книгу, даже при не очень высоком качестве перевода, смогут прочесть не только те, кто занимается собственно иудаикой (а таковых единицы), но и специалисты в соседних областях – исследователи раннего христианства, Древнего мира или Средних веков. Это способствует решению очень важной для современной российской иудаики задачи – завоевать статус «нормальной» гуманитарной дисциплины, не существовать «на полях». То есть переводить надо все равно, хотя, конечно, многое переводится гораздо менее талантливо, чем хотелось бы.

Впрочем, возникает проблема не только как переводить, но и что переводить. Русская иудаика, по понятным общественно-политическим причинам, отстала от мировых тенденций примерно на столетие. Перевести все важное и интересное, что выходило по этой специальности за сто лет, невозможно, да и ненужно. Встает неизбежный вопрос о критериях отбора литературы для перевода. На мой взгляд, есть гигантская разница между рядовым историком и историком великим. Если оперировать именами из русской исторической науки, то огромны различия между Ключевским, Соловьевым или Аверинцевым, с одной стороны, и обычными профессорами-доцентами. Читать «просто историков» нормальному человеку (не профессионалу) ни к чему – точно так же, как нормальному человеку (не литературоведу) нет необходимости читать стихи Куняева. Зачем? Вполне достаточно великих поэтов на русском языке.

Исходя из этой логики, переводить надо великих историков или, по крайней мере, приближающихся к этой категории. Среди тех, кто писал по иудаике на немецком, английском или французском, великих не так уж много. При этом переводятся сплошь и рядом средние ученые, а не великие, хотя лакуны очевидны. Не переведен, скажем, мой любимый немецко-израильский ученый первой половины XX столетия Исаак Хайнеман. Нет переводов трудов целой плеяды блестящих ученых, писавших во второй половине XX века о раввинистической литературе, таких, как Дэниел Боярин из Беркли.

И переводить великого историка должен человек талантливый, так же как великих писателей у нас переводили люди вроде Апта или Райт-Ковалевой. Переводить историков, которые пишут блестяще, должны конгениальные стилисты. Сейчас Михаил Вогман переводит книгу Джеймса Кугела «В доме Потифара. Библейский текст и его перевоплощения», посвященную исследованию ранней библейской экзегезы, – я надеюсь, что это будет замечательный образец перевода научной литературы, поскольку знаю, как Вогман пишет по-русски.

Но здесь встает еще одна проблема – проблема квалифицированного читателя. Российский читатель достаточно квалифицирован в массе своей, чтобы читать Ключевского. Читателей Аверинцева или Арона Гуревича уже значительно меньше. Квалифицированного читателя, способного и готового читать крупных историков, занимавшихся в XX веке иудаикой, почти нет. Поэтому переводные научные работы по этой специальности, даже очень высокого качества, остаются по сути непрочитанными. Это объективная ситуация, с которой мало что можно сделать.

Особого отклика нет и со стороны рецензентов. Я могу вспомнить прекрасную рецензию Галины Зелениной на монографию Цви Гительмана «Беспокойный век: Евреи России и Советского Союза с 1881 г. до наших дней» (Лехаим, 2008, № 6) или «букниковский» отзыв Михаила Слободинского о моей книге «Эллинизм и еврейская культура», может быть, что-то еще. Но делать из этого проблему я бы не стал. Книг по иудаике выходит так мало, что ни о каком системном рецензировании говорить не приходится, – нет такой проблемы, потому что нечего рецензировать. Слабо сформирован рынок, причем как со стороны читательского состава, так и со стороны пишущего. Есть, конечно, отдельные области, где люди довольно плотно толкаются локтями и где рецензирование поэтому необходимо, – например, та площадка, на которой работают тот же Леонид Кацис или Михаил Вайскопф. Но там толкотня происходит потому, что это пограничная зона, по сути подраздел русистики, куда «затесалась» еврейская тема.

Выход очень простой: развивать иудаику. Издавать можно только то, что написано. Надо растить своих исследователей, надо их холить и лелеять – и тогда появится литература. Надеяться на то, что ввозным товаром можно заменить местное производство, – бессмысленно. Специальной литературы переводится мало, но вообще

на российском рынке присутствует жуткое количество всякой еврейской и околоеврейской литературы. И это ни в малой мере не отражает степень реального развития иудаики в стране, хотя способствует такому развитию. Должны быть гранты на написание книг и статей. Должны быть научные журналы – к сожалению, у нас сейчас нет ни одного общего научного журнала по иудаике. Долгое время таковым был «Вестник Еврейского университета», сейчас, насколько я знаю, «Мосты культуры» намерены продолжить его издание, но периодичность, а значит, и пропускная способность его невелика. Нужен журнал, выходящий хотя бы раза четыре в год, желательно ваковский. И безусловно, название надо менять, нынешнее смотрится абсолютным анахронизмом.

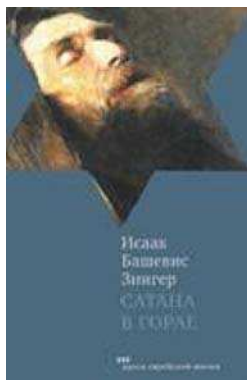
Манихейство по-еврейски

Исаак Башевис Зингер

Сатана в Горае. Повесть о былых временах

Пер. с идиша И. Некрасова

М.: Текст; Книжники, 2009. – 192 с. («Проза еврейской жизни».)

В 1932 году в варшавском еврейском журнале «Глобус» была опубликована повесть Исаака Башевиса Зингера «Сатана в Горае» – первое крупное произведение молодого прозаика. «В этой повести уже было то, что впоследствии принесло писателю мировую славу и звание нобелевского лауреата, – глубокое знание человеческой природы, тонкое чувство стиля, сочно выписанный быт и мистицизм, уходящий корнями в еврейский фольклор», – читаем в аннотации к нынешнему, первому, изданию «Сатаны в Горае» на русском языке. Можно, конечно, поспорить, так ли уж принципиально для Зингера проникновение в глубины «человеческой природы», – как почти любой прозаик-нереалист, он едва ли стремился к славе тонкого психолога и «человековеда». Говорить о «чувстве стиля» по переводу, сколь угодно хорошему (а перевод Исроэла Некрасова, сколько можно судить, действительно хорош), трудновато. А вот о быте и мистицизме – в самую точку. Только, конечно, речь должна идти не отдельно о «сочно выписанном» быте, отдельно – о мистицизме, а именно об их взаимопроникновении. Вселенная Зингера, как и позднейшие вселенные «магического реализма» в совсем других литературах, существует на грани, быт в ней каждое мгновение готов смениться инобытием, обыденность полна прорех, через которые в посясторонний мир входят ангелы и демоны. Чаше, как явствует из заглавия, последние.

Автора «Семьи Мускат» и «Раба» трудно заподозрить в чрезмерно розовом взгляде на жизнь. Но даже на фоне его же более поздних текстов «Сатана в Горае» выделяется изрядной мрачностью и беспросветностью. Человек беззащитен перед злом, нечисть властвует в Горае безраздельно, праведники гибнут, уходят в изгнание, пропадают без вести. В битве скверны и праведности первая побеждает без шансов для второй, причем на всех уровнях: в Стамбуле «мессия» Саббатай (Шабтай) Цви оборачивается гонителем евреев, а местночтимая горайская пророчица оказывается одержима дибуком. Метафорой духовного бессилия праведности выступает физическое бессилие бродячего коробейника-проповедника Иче-Матеса, с женой которого живет сатанист Гедалья, «апостол» лжемессии Саббатая Цви.

Можно, впрочем, прочитать повесть Зингера несколько иначе: люди сами впустили сатану в Горай, увлекшись саббатизмом и уклонившись от истинной веры, как дибук смог войти в Рейхеле лишь потому, что Гедаля осквернил ее, а сама она чертыхнулась, высекая огонь. То есть все происходящее – следствие не вечного и неизбежного торжества зла, а неверного выбора горайцев. Есть и социальная мотивировка такого прочтения – дело происходит после погромов Хмельницкого, от которых Горай пострадал больше соседних местечек, а потому уцелевшие жители его были естественным образом предрасположены к учению, обещавшему им немедленное избавление здесь и сейчас.

Ответ на школьный вопрос «что хотел сказать автор?» вообще в данном случае весьма труден. Повествовательная техника Зингера уже в дебютной его вещи сложна и изощрена. В текст вводятся голоса нескольких повествователей, оценивающих героев совершенно противоположным образом. Тот же реб Иче-Матес в письме Янкева из Люблина аттестуется как колдун, нечестивец и лжец, поклоняющийся нечистым духам, а безвестный хронист, которому принадлежит финал повести, напротив, превозносит его как великого праведника. Автор же, хотя и отказывается от прямого проговаривания оценок, описывает мир, отданный на откуп силам тьмы и мрака, создавая нечто среднее между еврейской версией манихейства и парадом босховских уродов. Так что в конце концов становится уже не столь важно, кто здесь праведник, а кто грешник.

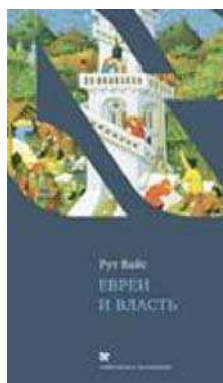
יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

Sub specie potestatis

Рут Вайс

Евреи и власть

М.: Текст; Книжники, 2009. – 256 с. («Чейсовская коллекция».)

Рут Вайс, гарвардский профессор идиша и сравнительного литературоведения, посвятила свою новую книгу истории еврейского отношения к власти – с древности и до наших дней. Рассматривая основные вехи еврейской истории, Вайс прослеживает стабильную и зачастую губительную тенденцию отмежевываться от власти и политики как от чего-то порочного и совершенствовать талант адаптации к внешним условиям вместо попытки отстроить систему коллективной безопасности. Вайс диагностирует «моральный солипсизм» евреев, утверждая, что они осознанно предпочитали культивирование нравственной безупречности и жертвенности.

Помимо критики еврейского приспособленчества монография содержит и четкий позитивный мессидж. Если с разрушения Второго храма и до середины XX века евреи «слишком полагались на Б-га», что и привело к Холокосту, то с возникновением Израиля ситуация изменилась. Именно в сионизме и в государственности Вайс видит преодоление еврейского бессилия. Более того, самозащита, в которой Израиль добился особых высот, выводит евреев «на переднюю линию фронта всего демократического мира».

Таким образом, Вайс вычерчивает следующую траекторию еврейской истории. Евреи всегда приспособлялись и достигли в этом несравненного мастерства, но подобная стратегия не помогла им преодолеть враждебность окружения, которая, напротив, развивалась *in crescendo* и принимала новые и новые формы: религиозную (юдофобия), расовую (антисемитизм), политическую (антисионизм). Выходом из этого порочного круга стало создание Государства Израиль.

Богатая мысль для эссе, только стоит ли ради нее предпринимать поверхностный пересказ двухтысячелетней истории, плавно переходящий в тривиальную правую демагогию? Но монография вызывает и более существенные претензии. Теория Вайс – как и любая глобальная теория, построенная на чередовании искусственно причесанных под одну гребенку примеров и паутинах риторики, – весьма уязвима. Можно с тем же успехом взяться доказывать альтернативную гипотезу: что евреи не бежали власти, а изо всех сил стремились к ней, не брезговали героикой, а жаждали ее.

Вайс начинает свой рассказ с того, что талмудический трактат Гитин объясняет Иудейскую войну и разрушение Второго храма еврейскими же грехами («беспричинной ненавистью»), не упоминая ни о еврейском героизме, ни о превосходящей военной мощи римлян. В подобной рефлексии Вайс видит признание «собственных ошибок» и «способ сохранения моральной независимости». Возможно. Но нельзя забывать о том, что классификация любого бедствия, случившегося с народом X, как справедливого возмездия за грехи народа X, характерна и для прочих традиций; редкий христианский хронист избегал формулировки «по нашим грехам», а от кого бы ему было защищать «моральную независимость»?

С другой стороны, трактат Вавилонского Талмуда – не единственный еврейский нарратив о разрушении Храма, и наименее историчный к тому же. Есть еще Сефер Йосипон, популярный средневековый псевдоэпиграф, ремейк сочинений Иосифа Флавия, как раз подчеркивающий еврейское сопротивление и героизм. На сочинениях, внешних по отношению к талмудической традиции, в том числе на упомянутой Сефер Йосипон, было воспитано стремление к военной героике у поколений сионистов, от балканских до российских и собственно израильских, – стремление столь явственное, что удивительно, как Вайс умудряется игнорировать его в пользу одного лишь герцлевского аполитизма и антимилитаризма в утопии «Обновленная земля».

Удивительно также слышать о еврейском дистанцировании и чуть ли не презрении к власти и властям, тогда как на протяжении всей диаспорной истории еврейские лидеры – что вавилонские экзилархи, что египетские визири, что придворные сефарды – только и делали, что добивались близости к государям и потом пестовали эту близость и кичились ею. Еврейские путешественники и прочие авторы плодили легенды об экзилархе как еврейском халифе, о *rex iudaeorum* в Нарбонне, о еврейском папе Эльханане, наконец. От лжемессий ожидалось не спасение евреев в какой-либо параллельной реальности, а именно обретение государственной власти:

Давид Реувени объявлял себя главнокомандующим своего брата – царя, а Шабтай Цви и вовсе собирался занять престол султана.

Можно предположить, что, долго наблюдая пресловутую пассивность, антигероичность и аполитичность в фольклоре и литературе штетла (если угодно, бедного и глубоко провинциального), идишист Рут Вайс поддалась соблазну экстраполировать свои наблюдения на всю еврейскую историю и культуру. И академически эта экстраполяция не слишком удачна. Но скорее, в этой книге следует видеть другую ипостась Вайс – общественного деятеля и борца, автора скандальной книги «Если не я для себя: Либерализм предал евреев», яркого поборника политически некорректных точек зрения. «Евреи и власть» лучше рассматривать не как научпоп от академической иудаики, а как отличный образчик правой публицистики, необходимый для уравнивания доминантной на Западе левой интеллектуальной журналистики, которая не устает обличать вины Израиля перед палестинцами и успехи еврейского лобби во внешней политике США.

Аאעע'א צאע'א'ע'א

В журнальном варианте

Батия Вальдман

Русско-еврейская журналистика (1860–1914): литература и литературная критика

Рига, 2008. – 357 с.

Книга Батии Вальдман посвящена истории русско-еврейской литературы в самый активный период существования еврейства Российской империи. Не случайно поэтому, что литературно-журнальный процесс ставится автором в прямую связь с процессом изменения еврейской жизни. Русско-еврейскую литературу она рассматривает как «ценный исторический материал», где зафиксированы «переживания российского еврейства, его потребности и идеалы». В то же время, анализируя литературные произведения и периодику, Вальдман стремится «не только увидеть целостную картину еврейской жизни, но и проследить изменение образного мира, поэтических средств, литературных жанров и форм».

В поле зрения Вальдман попадает практически вся многообразная картина русско-еврейской печати и литературы, наряду с известными фактами в книге использованы и архивные материалы. Мимо внимания автора не прошло по сути ни

одно русско-еврейское издание, ни одно сколько-нибудь значительное литературное имя. Этот почти энциклопедический масштаб исследования – одно из главных его достоинств.

Автор выделяет три периода в истории русско-еврейской журналистики и связанной с ней литературы. Первый (1860–1880) – ассимиляционно-просветительский, реализовавшийся в первом еврейском издании на русском языке «Рассвет» (Одесса) и последующих – «Сион», «День», «Еврейская библиотека», «Русский еврей» и др. Второй (1881–1899), после погромов 80-х годов, с ярко выраженными палестинофильскими тенденциями и антипогромной разъяснительной работой, связан с единственным периодическим органом – журналом «Восход», издававшимся в Петербурге вместе с приложением к нему, «Недельной хроникой “Восхода”». Русско-еврейскую журналистику третьего периода (1900–1914) «характеризует исключительное многообразие изданий, большое количество авторов, разнообразие тем и жанров», на первый план в ней выходят «не социальные и гражданские мотивы, а экзистенциальные проблемы», что отражало общие тенденции развития общественно-философской мысли и литературы конца XIX – начала XX века.

Такая периодизация близка той, которую предложил Ш. Маркиш (КЕЭ, т. 7, с. 535–548). К сожалению, выбрав в качестве нижней границы своего исследования 1914 год, автор монографии оставляет за ее пределами то, что происходило в русско-еврейской литературе потом (возможно, впрочем, это тема ее будущего исследования). А ведь, по мнению того же Маркиша, в годы первой мировой войны, революции и Гражданской войны эпоха ее расцвета продолжалась. Постепенно угасая в условиях тоталитаризма, она все же дала ряд ярких имен, среди которых в первую очередь надо назвать Исаака Бабеля, чьи художественные открытия определили пути возрождения и развития русско-еврейской словесности в XX и XXI веках.

Но внимание Вальдман сконцентрировано на другом. Ей удается ярко показать, как зарождался и развивался поток русско-еврейской периодики, проследить его повороты и изменения, обретения и потери. Общий вектор развития русско-еврейской литературы определяется автором как «поворот от тенденциозности и бытописательства к большей объективности и психологизму», происходивший в значительной степени под влиянием аналогичных тенденций в русской и отчасти европейской литературах. Процессу влияния Вальдман уделяет особое внимание, подробно останавливаясь на произведениях русских писателей (Льва Толстого, Салтыкова-Щедрина, Тургенева, Достоевского, Лескова, Мордовцева, Короленко, Чехова, Горького), посвященных еврейской теме, и на отношении этих писателей к евреям и еврейскому вопросу. Важно также, что в книге зафиксирована ответная реакция еврейской критики и публицистики.

Пик достижений русско-еврейской литературы, как следует из книги, падает на 80–90-е годы XIX столетия – период стилистических поисков и расширения жанровых рамок. Наряду с оригинальной литературой активно развивалась переводная, обогатившая русско-еврейскую прозу, поэзию и драматургию «не только своим содержанием, но и художественным многообразием».

«Подлинным открытием» для автора, по ее словам, «явилась литературная критика, уровень которой начиная с 80-х годов XIX века был необычайно высок. Оперативно реагируя на все новое, что появлялось в еврейских литературах на разных языках, в русской и западных литературах на еврейские темы, она не только

формировала художественный вкус своих читателей, но и оказывала влияние на развитие литературы, на сам литературный процесс».

Большинство выводов исследовательницы не вызывают желания полемизировать. Пожалуй, трудно согласиться лишь с утверждением, что «в конце XIX – начале XX века бурно развивающаяся литература на древнееврейском и идише сменяет (курсив мой. – С. Л.) русско-еврейскую литературу». Представляется, что их развитие шло параллельно и во взаимовлиянии, а русско-еврейская литература, получившая в это время приток свежих сил (С. Юшкевич, Д. Айзман, В. Жаботинский, О. Дымов, А. Соболев, А. Свирский и др.), находилась на подъеме вплоть до полосы войн и революций.

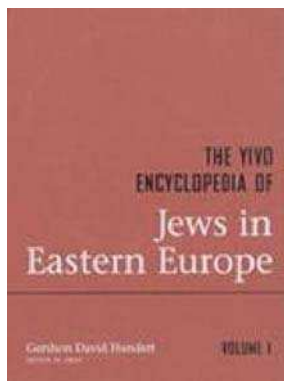
נְוֵעָא עֵאֵרֵי

О восточноевропейском еврействе – энциклопедически

YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe. Vol. 1–2

Ed. Gershom David Hundert

Yale University Press, 2008

Выход энциклопедии восточноевропейского еврейства – итог десятилетнего труда большого авторского (450 ученых из 16 стран) и редакторского коллектива на базе YIVO (Идише виссеншафтliche организацие, Институт еврейских исследований, Нью-Йорк). В предисловии, написанном главным редактором Гершомом Хундертом, отмечается, что цель энциклопедии – «представить цивилизацию предков большинства евреев в мире на основе современных объективных научных исследований». И действительно, еврейская Восточная Европа описана в большинстве статей без предубеждения и ностальгии. Здесь нашлось место статьям о религиозной и светской жизни, о городах и сельской местности, о хасидах и митнагедах, идишистах и гебраистах, сионистах и ассимиляторах... Энциклопедия стремится пролить свет не только на достижения «высокой» культуры, но и рассказать о повседневной жизни «обыкновенных» евреев: их одежде, жизненном цикле, круге чтения, фольклоре.

Еще в 1983 году, выступая в Йельском университете, Гершон Коэн привлек внимание к тому факту, что «цивилизация восточноевропейского еврейства была значительно более разнообразной и противоречивой, чем можно предположить, исходя

из сентиментального представления о штетле». Действительно, еврейская жизнь в этом регионе не отличалась монолитностью, так что редакторам и авторам пришлось приложить немало усилий, чтобы отразить ее во всей разнородности ее проявлений.

Созданию подобной энциклопедии помогла обретенная после краха коммунистического блока возможность без ограничений пользоваться архивами и библиотеками стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза, заниматься полевыми исследованиями. Кроме того, интенсифицировались научные контакты между учеными из этих стран и их зарубежными коллегами. Как результат – взрыв новой информации и новых интерпретаций истории восточноевропейского еврейства, что нашло отражение в монографиях и научных журналах. Настало время собрать плоды этой работы в сравнительно компактном издании.

Несомненно, Хундерт по-своему прав, когда отмечает, что эта энциклопедия беспрецедентна. Вместе с тем нельзя пройти мимо первого подобного опыта: еще в начале XX столетия коллектив русско-еврейских историков издал в Петербурге 16-томный «свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем» – Еврейскую энциклопедию. В ее основу была положена 12-томная Еврейская энциклопедия, вышедшая чуть ранее в Нью-Йорке на английском языке. Но петербургская энциклопедия представляла во многом самостоятельный труд. Редакция включила в нее оригинальные статьи по истории и современному положению евреев России и Польши, обстоятельные обзоры, посвященные культуре и демографии. Один из основополагающих принципов российской энциклопедии состоял в том, что авторами большинства статей были специалисты, писавшие о тех предметах, которыми они профессионально занимались, тем самым делая свою научную работу достоянием широкой общественности. От этого подхода фактически вынуждена была отказаться редакция Краткой еврейской энциклопедии, вышедшей в Израиле в 1976–2002 годах. Новая энциклопедия возвратилась к тому же принципу, заказав статьи наиболее авторитетным в тех или иных областях авторам. Так, Ян Гросс написал статью о Едвабне, Цви Гительман – о коммунизме, Джей Харрис – об изучении Талмуда, Давид Роскис – о памяти, Рут Вайс – о И.-Л. Переце, Тод Эндelman – об ассимиляции, Хава Турнянский – о ранней литературе на идише, Дан Мирон – о Шолом-Алейхеме и Менделе Мойхер-Сфориме, Чарен Фриз – о браке, Элишева Карлебах – о мессианизме, Йонатан Френкель – о еврейских партиях и идеологиях...

Разумеется, и по сей день далеко не все аспекты истории и культуры восточноевропейских евреев получили должное освещение. Относительно слабо исследована экономическая история, недостаточно изучено (в сравнении, скажем, с евреями Польши) еврейство Румынии и Венгрии. Редакция, насколько возможно, стремилась решить эту проблему, уделяя внимание регионам, находящимся за пределами польско-литовского центра. С самого начала проекта осознавалась и необходимость решить гендерную проблему. Отсюда принципиальная установка на акцентирование участия женщин в еврейской жизни, давшая любопытные результаты, особенно в разделах, посвященных повседневному. Роли и месту женщины в различных слоях и субкультурах посвящен обширный очерк «Гендер» (автор П. Хуман).

Географические рамки энциклопедии включают территории к востоку от немецкоязычных регионов, к северу от Балкан и к западу от Урала. То есть эти границы приблизительно соответствуют сегодняшним Чехии, Словакии, Венгрии, Румынии, Польше, Балтийским государствам и Финляндии, Молдове, Украине, Беларуси и европейской России. Хронологические рамки охватывают период от самых ранних

свидетельств о еврейском присутствии в Восточной Европе до конца XX века. Дискуссионным при разработке концепции был вопрос о нижней границе фиксируемых событий. Звучали предложения ограничиться происходившим до 1939 года, ибо традиционный мир восточноевропейского еврейства исчез в результате Холокоста. Тем не менее нам представляется, что принятое решение абсолютно верно, ведь евреи продолжают жить на этих территориях до настоящего времени.

Последним столетиям уделено больше места, чем, скажем, периоду поздней античности и средним векам. Биографические статьи посвящены только евреям, такие фигуры как Хмельницкий, Сталин или Масарик лишь упоминаются в соответствующих контекстах. Концепция энциклопедии состоит в том, чтобы зафиксировать прежде всего собственно еврейский опыт, поэтому участию евреев в иных национальных культурах, политических или идеологических движениях уделяется минимум внимания. Определяющим принципом включения в словник того или иного персонажа явилась его деятельность на территории Восточной Европы. По этой причине сюда не вошли евреи с восточноевропейскими корнями, которые сыграли значительную роль в тех или иных сферах жизни, но за пределами данного региона (например, основатели рабочего движения или киноиндустрии США, деятели сионистского движения и государства Израиль). Исключения, как журналист Перец Смоленский или прозаик Йозеф Рот, редки.

С энциклопедией достаточно легко работать. Этому помогают различные указатели: тематический, именной, понятийный, географический и прочие. В конце издания помещен краткий глоссарий. В двухтомнике сохранена ашкеназско-ивритско-идишская версия того или иного понятия, события или явления, например, партия «Агудат Исраэль»; «gzeuros takh vetat» (хмельничина) и т. д. Энциклопедия ориентирована прежде всего на англоязычного читателя, поэтому пристатейная библиография в основном состоит из публикаций на английском.

К сожалению, российских авторов, в отличие, скажем, от польских, можно пересчитать по пальцам – В. Дымшиц, М. Куповецкий, В. Иванов, Д. Эльяшевич, Г. Элиасберг. Подчас это сказалось на качестве статей. Так, крайне эскизно представлена еврейская жизнь постсоветской Москвы у израильского автора Л. Прайсмана, четверть века назад из Москвы уехавшего. В статье о Петербурге (автор – известный американский историк Бенджамин Натанс) не указана даже нынешняя численность еврейского населения Северной столицы. Вообще, российским городам не повезло: кроме Москвы и Петербурга в энциклопедию вошла статья лишь о Ростове-на-Дону, а также о Биробиджане. Кстати, спорным выглядит решение не включать статьи о территориях к востоку от Урала – за исключением того же Биробиджана. Хотя за Уралом начинается Азиатский континент, игнорирование евреев Сибири и Дальнего Востока – составной части российского еврейства – выглядит искусственно. По крайней мере обзорная статья о евреях этого региона выглядела бы вполне уместной.

Серьезной оплошностью составителей представляется отсутствие статей о ведущих русско-еврейских историках Сауле Гинзбурге и Пейсахе Мареке, в то время как статья об авторе того же круга Юлии Гессене в издание вошла. «Последний из могикиан» еврейских историков в Советской России Саул Боровой, почти все свои работы написавший на русском языке, попал... в перечень идишских писателей. Статья израильского автора Т. Фридгута (известного прежде всего своей книгой о шахтерах Донбасса) «Антисионистский комитет советской общественности» далеко не полностью отражает деятельность этой созданной КГБ организации – даже не

упомянуто, в частности, ее намерение провести в Москве Всемирный антисионистский конгресс...

Я уже было дописал рецензию, когда мое внимание привлекла статья «Фотография», со знанием дела написанная Д. Шниром. Подпись под одной из иллюстраций гласила: «Моисей Наппельбаум. Портрет Всеволода Мейерхольда». Но, ей-ей, с портрета смотрел... Максим Горький.

Àéàéîáí äð Èíéèèí

ПЛЮС ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ ПАЛЕСТИНЫ

Владимир Хазан

Пинхас Рутенберг: От террориста к сионисту. Т. 1–2

Jerusalem: Gesharim; М.: Мосты культуры, 2008. – 978 с.

Герой новой книги израильского ученого Владимира Хазана – Пинхас (Петр) Моисеевич Рутенберг (1879–1942), инженер, член партии социалистов-революционеров, организовавший убийство Георгия Гапона в 1906-м, стоявший у истоков формирования Еврейского легиона и участвовавший в работе по созыву Американского еврейского конгресса во время первой мировой войны. Кроме того, Рутенберг был помощником главнокомандующего Петроградским военным округом при Керенском, членом Совета обороны Одессы в период французской интервенции, а впоследствии – электрификатором британской Палестины и главой Ваад Леуми в 1929–1931 и в 1939–1940 годах.

Заметная роль, сыгранная Рутенбергом как в годы российской революции, так и при освоении евреями Палестины, а также его весьма колоритная и неординарная натура (адвокат Оскар Грузенберг назвал Рутенберга «безжалостным убийцей, неутомимым перебежчиком из одного стана в другой, честолюбцем», не останавливающимся ни перед чем) не были обойдены вниманием исследователей. Еще при жизни Рутенберга вышла его биография, написанная журналистом Я. Яари-Полескиным (1939), а уже в наши дни – обширный труд израильского историка Э. Шалтиэля (1990). Обе книги, однако, написаны на иврите, что затрудняет знакомство с ними за пределами Израиля, к тому же допалестинский период жизни Рутенберга освещен в них недостаточно подробно. Хазан успешно заполняет многие пробелы на основе русскоязычной части хайфского архива «революционера-электрика», с привлечением материалов из архивов Дымова и Жаботинского, а также из

Гуверовского института при Станфордском университете и Центрального архива сионистского движения (Иерусалим).

В книге описываются деловые и личные отношения Рутенберга с Горьким, Савинковым, Бурцевым, четой Фондаминских, Хаимом Вейцманом, Берлом Кацнельсоном и многими другими, а также с первой женой (О.Н. Хоменко) и детьми. В особую заслугу Хазану следует поставить то, что с помощью дневника и писем Рутенберга ему впервые удалось продемонстрировать ранимую сторону души «человека из железа», который в письме к Жаботинскому призывал «кипятиться <...> по холодному расчету», А.М. Беркенгейму писал, что «нервов не существует», а в дневниковой записи жаловался на непосильность собственной ноши: «Зачем эта невыносимая тяжесть на моих маленьких плечах?» Книга иллюстрирована редкими фотографиями и снабжена девятью приложениями, самым ценным из которых является перевод с идиша статей Рутенберга, опубликованных в газете «Di Varhayt» в 1916–1917 годах.

Помимо выполнения чисто фактографической задачи, Хазан стремится объяснить, почему и каким образом в личности Рутенберга сочетались революционный терроризм и сионизм – явления, у которых как будто бы не так уж много общего. Конечно, говорить о Рутенберге как о террористе в буквальном смысле слова можно лишь с некоторой натяжкой: сам он Гапона не убивал и до и после этой истории к революционному террору отношения не имел. Речь, скорее, нужно вести о том, что Рутенберг был принципиальным сторонником террора как эффективного метода политической борьбы. Да и к сионистам он примыкал лишь постольку поскольку (как утверждал он сам, «если бы я не был евреем, я был бы черносотенцем»). По пронизательному замечанию Хазана, Рутенберг «в сионистских рядах представлял явление особенное, “пограничное”, разделяющее взгляды “настоящих” сионистов лишь в той мере, в какой они смыкались с идеями всемирной революции и столь же всемирного освобождения евреев, да и равным образом всех прочих “малых народов”». Именно обостренное чувство социальной справедливости объединяло революционную и националистическую составляющие рутенберговской деятельности (впрочем, это чувство иногда вытеснялось производственной необходимостью: достаточно обратиться к истории о том, как Рутенберг-предприниматель обошелся с рабочими хайфского металлообрабатывающего завода, в 1929 году устроившими забастовку, которая грозила сорвать своевременный ввод в эксплуатацию электростанции на Иордане).

Несколько труднее согласиться с очерченными Хазаном контурами эволюции взглядов Рутенберга (от терроризма к сионизму). Подразумевается, что Рутенберг отходил от убеждения в допустимости террористических методов воздействия по мере накопления опыта сиониста-практика. В качестве примера Хазан приводит условия, на которых в конце 1930-х годов Рутенберг соглашался предоставлять финансовую поддержку Эцелю – подпольной организации, борющейся с британским присутствием в Палестине: «только в рамках борьбы, лишенной экстремистских проявлений». Однако сам Хазан рассказывает о состоявшейся в 1940 году лондонской встрече Рутенберга с дипломатом и писателем Робертом Брюсом Локкартом, на которой Рутенберг высказался за физическое устранение муфтия Хадж Амин эль-Хусейни (лидера палестинского национального движения) и предложил забросить в СССР группу диверсантов для подрывной деятельности против советско-германского блока. К этому следует добавить, что годом ранее в беседе с Верховным комиссаром Палестины Гарольдом Мак-Майклом Рутенберг настаивал: британское правительство «должно в гораздо большей мере использовать Фахри Нашашиви

(влиятельного оппонента палестинскому национализму, организатора так называемых “отрядов мира” в период арабских волнений в Палестине в 1936–1939 годах. – А. Р.) и противопоставить терроризму контр-терроризм» (National Archives at Kew, London, CO733/409/10). Стоит ли удивляться, что Мак-Майкл предупреждал британского министра колоний Малкольма Макдональда о том, что с Рутенбергом «несомненно требуется осторожность» (там же), а чиновник того же министерства Э. Мэтисон в конфиденциальном комментарии к сообщению о том, что Рутенберг предлагает пускать в Палестину не малоимущих, а так называемых «еврейских капиталистов» (т. е. тех, у кого на счету в банке было более тысячи фунтов стерлингов), при условии, что половина их капитала будет инвестирована в компанию Рутенберга, отмечал: у жизненной философии Рутенберга «больше общего с “Майн Кампф”, чем с Торой» (National Archives, CO733/426/10)?

Окончательной и всесторонней оценке противоречивой фигуры Рутенберга продолжает препятствовать недостаток сведений о нем, который увлекательная монография Хазана восполняет лишь частично. Пожалуй, воссоздание богатой разноплановыми событиями жизни Рутенберга во всем ее объеме будет под силу лишь коллективу авторов, владеющих не только ивритом, идишем, русским и английским, но также французским и итальянским языками (Рутенберг много времени проводил в Париже и долго жил и работал в Италии). Остается надеяться, что такой коллективный труд не замедлит появиться.

Àí ääâé Dî ää-äâîéé

ЛЕХАИМ ИЮНЬ 2009 СИВАН 5769 – 6(206)

СЛУЧАЙ САПИРО

עֵשָׂר יְאִאֲרֵי תַאֲרֵי

Месье Бенуа Сапиро, основатель галереи «Минотавр» в Париже и совладелец галереи «Минотавр» в Тель-Авиве, исключительно тонкий ценитель искусства авангарда и активный бизнесмен, – один из тех европейских галеристов, который отважился серьезно разыгрывать карту самой восточной из европейских столиц, то есть Москвы.

Бенуа Сапиро

Коллекция его галереи сплошь состоит из бриллиантов: имен и произведений русского и восточноевропейского авангарда, а также художников-нонконформистов, или мастеров так называемого второго авангарда. Некоторые из этих имен – Марк Шагал, Наталья Гончарова, Серж Поляков, Серж Шаршун, Мохоли

Наги – вызывают прямую зависть: привилегия европейских галеристов работать с вещами, которые мы, здесь в Москве, видим только в музеях. Другие – удивление и восхищение: Иссахар Рыбак, Жорж Мишур, Цви Мерович – первоклассные художники, революционные достижения искусства XX века в работах которых так наглядны. Просто непонятно, как они могли быть неизвестны у нас до пришествия галереи «Минотавр» в Москву. И наконец, Михаил Гробман, Юрий Куперман, Владимир Янкилевский, Эдуард Штейнберг, Илья Кабаков – созвездие ныне живущих мастеров второго авангарда – слава и достоинство русского искусства второй половины XX века.

Бенуа Сапиро родился в Париже, в возрасте десяти лет был увезен родителями в Израиль. Получать высшее образование вернулся в Париж, в Сорбонну. Говорит на обворожительном французском, английском и иврите. Бенуа Сапиро получил образование в области коммуникации, науки совершенно не известной и не преподаваемой в России, но очень популярной в современной Европе. Его отец Антуан Сапиро – коллекционер и дилер искусства парижской школы, и Бенуа Сапиро поступает в обучение к критику Жоржу Будаю, что, по словам самого Сапиро, становится одной из важнейших встреч в его жизни. Это было приобщением к основным ценностям старейшей в мире школы арт-критики. В 1992–1995 годах Сапиро сотрудничает с первым легендарным аукционным домом, работающим с русским искусством, Отелем Друо. Этот путь нельзя назвать простым. Не так уж часто критики переходят от теории к практике, – скорее наоборот, как в спорте, когда спортсмены впоследствии оказываются комментаторами. Ныне Бенуа Сапиро – эксперт Французской ассоциации антикваров по Андрею Ланскому и Сержу Шаршуну. И это, конечно, справедливо.

Галерея под пассионарным названием «Минотавр» на парижской улице Изящных искусств свое имя получает в наследство от 1920-х годов, занимая место бывшего книжного магазинчика, собравшегося вокруг журнала сюрреалистов «Минотавр». Бенуа Сапиро объединяет два супермифа, столь непохожих пластически, но существовавших одновременно, – европейский сюрреализм и поздний русский авангард в Париже, – нисколько не смущаясь тем, что сюрреализма в русском искусстве не было. Его не было в 1920-х, и быть не могло, так как это место было занято футуристами, будетлянами и биостроителями, смотревшими не в свои галлюцинации и потенции, как европейские сюрреалисты, а непосредственно в отдаленное будущее. Под знаком парижских 1920-х Бенуа Сапиро складывает обратно здание русского – не политизированного – XX века.

На самом деле не сюрреалистическая, а скорее мистическая составляющая в русском искусстве все-таки была, но она была запрятана там, где вряд ли кто-нибудь стал бы ее разыскивать. Мы говорим об искусстве еврейском. У галереи, как сказано, есть филиал в Израиле, и его программа поражает своей насыщенностью и вписанностью в современную жизнь изобразительного искусства страны. Вместе со своим партнером в Тель-Авиве Яроном Лавицем Бенуа Сапиро ведет большую работу по восстановлению и популяризации наследия художников Культур-Лиги: Эля Лисицкого, Иссахара Рыбака, Бориса Аронсона и других художников «идишленда», как называли Галицию. Сейчас Бенуа Сапиро активно занимается периодом возрождения идишской культуры, начиная с 1916 года, готовит каталог-резоне Иссахара Рыбака вместе с Фондом этого большого художника.

Несмотря на то что большая часть еврейских художников и художников-евреев – выходцы из бывшей Российской империи, на их прародине этот феномен долгие годы был представлен одним-единственным именем, а именно – парижанина

Марка Шагала, стилистически всегда относившегося в первую очередь к событиям классического авангарда и уже потом к визуализации культуры еврейских местечек.

Естественно, появление на российском рынке такой галереи, как «Минотавр», спровоцировано постепенным изменением мировой геополитики в области искусства, заставившей вспомнить Европу о том, что в ней есть не только Запад, но и Восток. На поверхности все выглядит очень логично, но это логика, требующая не только немалой смелости, но и недюжинной изобретательности. Русское уравнение со всеми неизвестными, числовые коэффициенты которых зачастую стремятся к нулю, представляется возможным для решения только экспертам и людям, генетически связанным с этой культурой. Бенуа Сапиро счастливым образом сочетает в себе все эти качества. Он представляет собой тот уникальный случай, когда потомственный парижский арт-дилер – к тому же потомственный русский и укорененный еврей. Последнее особенно интересно, так как в хитросплетениях русской и еврейской культур обычно разобраться бывает практически невозможно, столь глубоки и прочны в этих областях связи и взаимовлияния.

Галерея «Минотавр» открыта в 2002 году и представляет собой галерею нового поколения: это большое культурное предприятие, работающее одновременно как крупный коллекционер, влиятельный ученый-исследователь, музей и, конечно, маршан.

Обычные процедуры участия в ярмарках и сотрудничества с крупнейшими музеями в случае галереи «Минотавр» становятся реальной лептой восстановления биографий отдельных художников, а вместе с ними и целых пластов искусства. Пример тому – выставка и каталог Сержа Шаршуна, подготовленные совместно с Государственным музеем изобразительных искусств имени Пушкина в 2006 году.

Бенуа Сапиро из тех галеристов, кто пробует отнестись к Москве как к городу, в котором искусство является актуальной частью современной жизни, в роли уважительного равного партнера, которому небезразлична судьба каждого из представляемых художников, и именно из этого человеческого и эстетического небезразличия складывается конфигурация действительно большого, а не спекулятивно раздутого арт-бизнеса.

Стенд галереи «Минотавр» в Москве на Всемирной ярмарке изобразительных искусств в 2007 году дарил сразу два малознакомых нам и таких возвышающих ощущения: это уровень презентации ныне живущих классиков как больших музейных ценностей и все еще поражающая здесь, в России, возможность частного владения исключительными произведениями мастеров музейного уровня – утонченного абстракциониста середины XX века русского француза Николя де Сталя и восхитительного представителя интеллектуального кубизма Сержа Полякова.

Бенуа Сапиро, решившись работать с российским, почти не существующим рынком, столкнулся с тем, что русское искусство, которое хорошо бы продавать русским покупателям, практически не существует ни как единая система внутри страны, ни как целостный сегмент европейского искусства. И, как Никита Лобанов-Ростовский для русского театра времен авангарда, а Георгий Костаки для русского абстракционизма, так Бенуа Сапиро стал «крестным отцом» русского сегмента Эколь де Пари: Серж Шаршун, Леон Тутунджян, Леопольд Сюрваж, Иссахар Рыбак, Пинхус Кремень, Жюль Паскин, Иван Пуни, Марк Шагал.

Эпоха парижской школы, или Эколь де Пари, – 20-е годы XX века, когда в столице мирового модернизма работали и жили художники из самых разных стран, – является базовым историческим временем для коллекции галереи Бенуа Сапиро. Именно в это время в Париже росли и формировались художники, сложившие культурную основу нового искусства своих стран. И здесь галерея «Минотавр» не ограничивается только лишь выходцами из Российской империи, в ее поле зрения попадают также представители центральноевропейских стран, жившие в Париже: Альфред Рет, Бела Кадар, Мохоли Наги, Френсис Купка, Уго Шайбер.

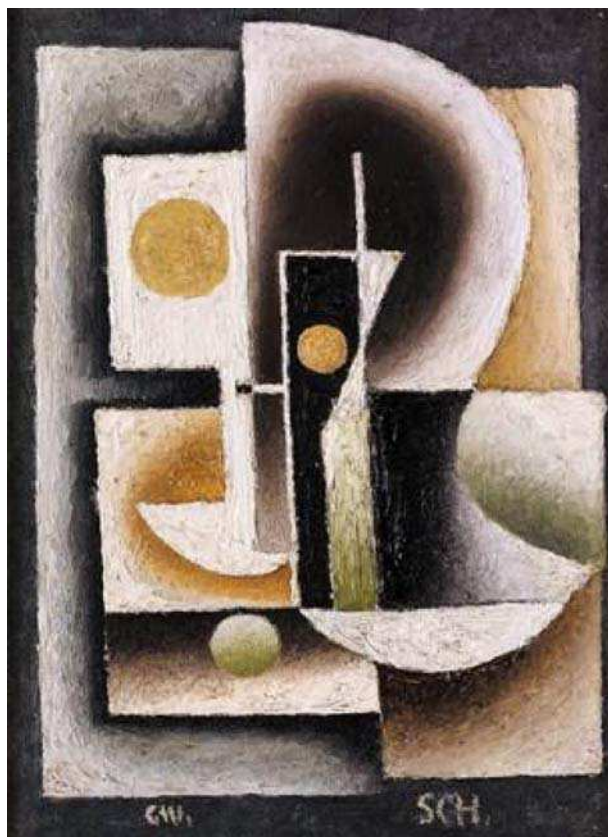
Для строительства здания русского искусства Сапиро собирает буквально из руин части, друг к другу никакого касательства, в общем-то, не имеющие. И, странным образом, конструкция выходит настолько убедительной, что добавление в созвездие имен первого авангарда конгломерата художников второй половины века смотрится естественным продолжением одной и той же истории. Имена Михаила Гробмана, Владимира Янкилевского, Олега Целкова, Эдуарда Штейнберга легко и естественно монтируются с именами Андрея Ланского, Ивана Пуни, Сержа Шаршуна и Осипа Цадкина. Собственно, художники второго русского авангарда всегда декларировали эту связь, но им мало кто верил.

Бенуа Сапиро представляет высочайший класс того, что научились ценить парижские маршаны в течение XX века и что отличает их разительно от всех остальных: мы имеем в виду хрупкое и нестандартное в том, что называется предметом искусства, то, чего было так много в 1910-х, 1920-х и что, по понятным причинам, исчезло. О том, что эти странные вещи могли существовать, например, в период второй мировой войны, никто вообще не подозревал. А в «Минотавре» можно воочию увидеть настоящие контррельефы из дерева и металла Леона Тутунджяна и объекты из бетона (!) времен оккупации Парижа, выполненные Альфредом Ретом.

На наш вопрос, кто или что повлияло на формирование его художественных вкусов, Бенуа Сапиро ответил: встречи с критиком Жоржем Будаем, художником Михаилом Гробманом и коллекционером Питером Людвигом. Михаил Гробман – художник-нонконформист, многие годы живущий в Израиле. Уже в 1960-х годах не только активный участник, но и теоретик нонконформизма, по многим источникам, автор термина «второй авангард», человек, организующий вокруг себя зоны активной турбулентности и структурного взаимовыстраивания разрозненных творческих импульсов, а главное, человек, общение с которым дает ощущение причастности к самому процессу рождения искусства. Очевидно, что большая программа коллекционирования, изучения и пропаганды еврейского искусства и искусства нонконформизма советского периода, осуществляемая Бенуа Сапиро совместно с Яроном Лавицем, а также открытие филиала галереи «Минотавр» в Тель-Авиве «намагничены» влиянием Михаила Гробмана.

Питер Людвиг, в просторечии художественной общественности «шоколадный король», – выдающийся коллекционер искусства второй половины XX века, лет за двадцать до английского коллекционера Чарльза Саачи применивший для формирования своей коллекции метод огромных денежных инвестиций. В результате Музей Людвига в Кельне стал важнейшей точкой на европейской карте современного искусства. Возможно, методы формирования коллекции галереи «Минотавр», о которых злые языки в Париже говорят, что «Бенуа Сапиро покупает все подряд», сформировались под непосредственным влиянием «шоколадного короля». Но в результате «Минотавр» оперирует не только знаменитыми именами, и не отдельными произведениями, что является несомненной удачей, а целыми наследиями художников,

представляющих прекрасные, сложные и далеко не всегда изученные эпохи в развитии восточноевропейского искусства, что придает деятельности галереи размах большого музея, о чем обычно галереям остается только мечтать.

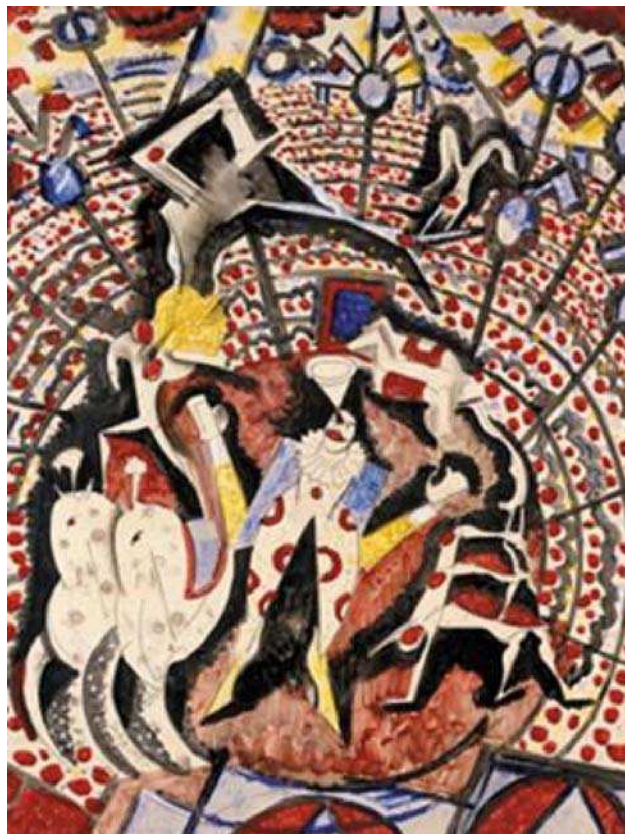
Композиция. Серж Шаршун. 1922 год

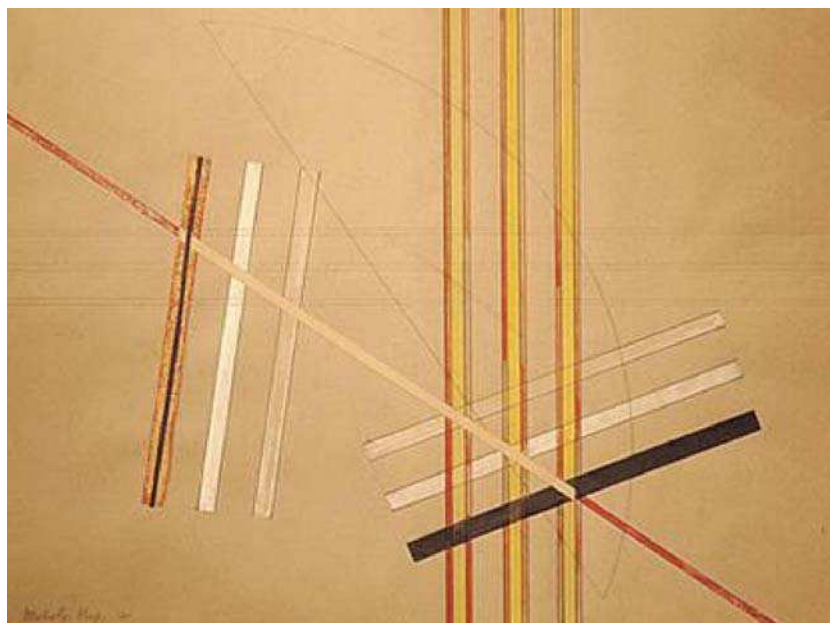
Синагога в Пьянове. Иссахар Рыбак. 1920-е годы

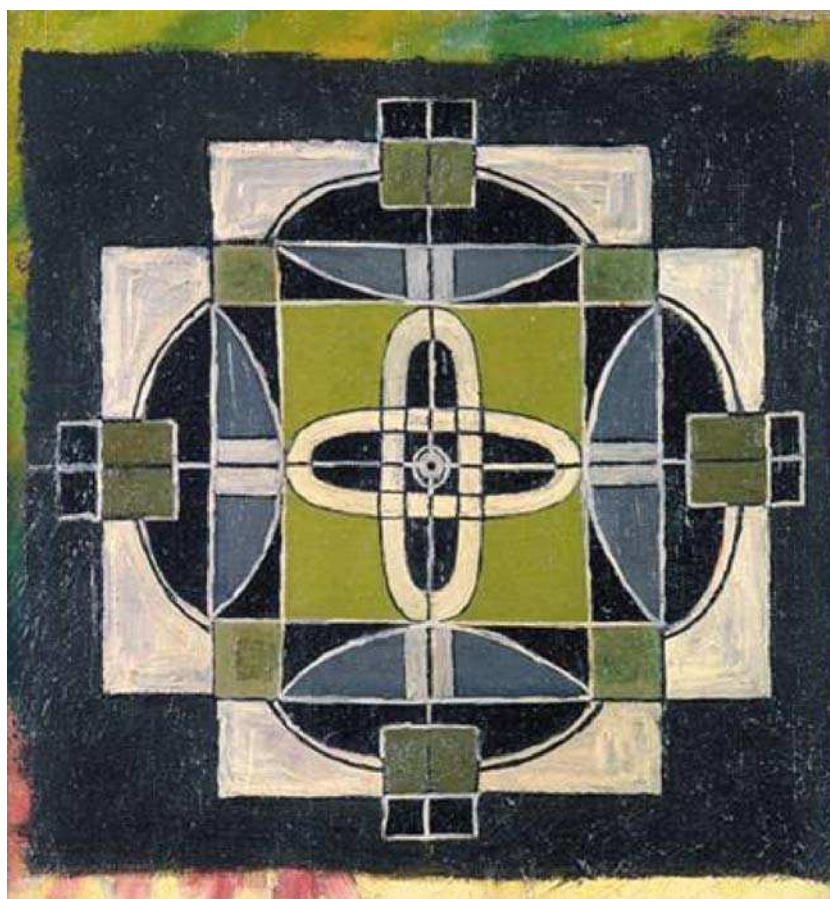
Скрипач и деревня. Марк Шагал. 1924 год

Цирк. Уго Шайбер. 1930 год

Конструкция. Мохоли Наги. 1921 год

Композиция. Серж Шаршун. 1916–1917 годы

Автопортрет. Уго Шайбер. 1933 год

СТАРЫЙ ГОРОД

Ádèǎ òèé Dáàçéí

Я вошел в Иерусалим через Яффские ворота и заблудился. Приехал я с другом, он скоренько побежал в храм Гроба, но, убегая, уверил меня с истовостью религиозного человека, что ворота эти ни в малой степени не Яффские, а другие. В Старом городе и так непросто, а тем более если уверен, что место, на котором ты стоишь, совсем не то, что ты о нем думал. Карта не помогла, я решил идти куда глаза глядят. Свернул в переулок, шмыгнул в подворотню, поднялся на крышу, спустился в другом месте, бессистемно толкнулся налево и направо, опять подворотня, лестница – и оказался у Стены. Это выглядело так, что мы вошли с другом в Старый город, он бегом бросился к храму Гроба, а я по кратчайшему маршруту – к Стене.

Проход к Археологическому музею Воля

Я стал думать, что со мной произошло. Что я придумал, в основном не имеет общечеловеческого интереса, но один аспект занимателен. Если бы дело было где-нибудь в Бибирево, среди прямоугольных пустырей, особого чуда не ощущалось бы. Там понятно, куда идти, вернее, понятно, что идти некуда – всюду то же Бибирево. А здесь я пробежал сквозь лабиринт Старого города, будто в ухе свисток верещал: «налево, направо, вверх, давай!» То бишь главным был этот Старый город, который так решительно мной распорядился.

Потом я ходил через этот Старый город, через Еврейский квартал, в пятницу и субботу. А в воскресенье открылись музеи – Археологический музей Воля, музей «Сожженного дома», – и выяснилось, что под фундаментами домов находятся археологические раскопки. Надо же, подумал я, как здорово они умеют под старыми домами открывать целые археологические слои. Потом я стал изучать экспозицию музеев и обнаружил там фотографии Еврейского квартала в 1967 году, после освобождения города от иорданской армии. В общем-то, сначала равнодушно – ну, пустырь какой-то. И только увидев на одной из фотографий вид на Стену, я сообразил, что это то самое место! То есть здесь повсюду был пустырь – послевоенный пустырь со взорванными домами, вроде послевоенного Сталинграда.

Большинство людей, глядя на дом, могут сказать, старый он или новый, а для историка архитектуры датировать дом с точностью до десятилетия – элементарный профессиональный навык. Ну, с поправкой на то, что это восточный город, где по датам все туда-сюда двигается, я готов был ошибаться лет на 20. Так или иначе, был уверен: передо мной город, в основном застроенный в XVII–XVIII веках, переживший существенные реконструкции в XIX – начале XX века, в котором по крайней мере лет пятьдесят точно не строили – только ремонты, реконструкции и вычистки. Есть такие старые города, живущие в режиме регенерации, – ну, скажем, Венеция, – тут, был уверен я, то же самое. И что? Выяснилось, что все это построено только что, в 80–90-х годах.

Нет, вы поймите: можно стилизовать отдельный дом, но город стилизовать невозможно. После войны многие пытались – но ни у кого не вышло. Дело не в архитекторах. Талантливые архитекторы могут нарисовать дом так, что ты примешь его за исторический памятник, – один мой знакомый, построив дом в Москве, через год обнаружил на нем табличку «памятник архитектуры XVII века». Но архитектура – произведение не только архитектора, но и многих других людей.

Дело сводится к очень простой вещи: исторический город очень трудно продавать. Там все помещения разные. Они – результат усилий жизни, дел многих поколений, бесчисленных перестроек, когда квартиры на первом этаже становятся лавками, а потом обратно квартирами, конюшни превращаются в бутики и рестораны, большие залы разделяются на квартиры, а жилые комнаты превращаются в сады. А в городе, построенном только что, все помещения одинаковые. Потому что если у девелопера сто разных помещений, то продать их – в сто раз больше работы, чем если у него сто одинаковых. С каждым нужно возиться отдельно, а прибыль та же самая. Эту экономику не в состоянии переломить эстетические соображения – она слишком сильная. Нет ни людей, ни организаций, которые могут работать в сто раз больше задаром.

Поэтому в новом городе не может быть кривых улочек – от них в квартирах получают кривые углы. Там не может быть разных дворов – с чего бы им появиться? Там не может быть так, что ты поднялся по лестнице на террасу, а оказался в другом дворе на другом уровне, прошел под арку, оказался в лавке, вышел через другой вход и оказался на иной улице, – это означает, что все эти пространства как-то неправильно продались. Поэтому новый город бывает похож на склад одинаковых контейнеров, поэтому в новом городе не всем приятно жить.

Еврейский квартал построен в 1980–2000-х годах, и он еще где-то достраивается. Но он выглядит... Достаточно трудно объяснить, как он выглядит. Он такой один, и тут не на что ссылаться.

Еврейский квартал в 1967 году после ухода иорданской армии. Квартал в верхней части – площадь Хурва и руины синагоги

Отчасти он похож на арабские города, скорее приморские. На старые кварталы Тира, арабскую часть Бейрута. Двух-трехэтажные дома, массивные стены и немного окон, арки, лестницы, сводчатые проходы, галереи. Хаотическая система планировки, когда улицы и дома как бы рассогласованы – улица может войти в дом, раствориться в его арках и террасах и вылезти с другой стороны, дом может перелезть через улицу на другую сторону и как-то там расплодиться. В отличие от европейских городов Средиземноморья, тут очень мало декора, все выстроено так, будто в этом деле не было ни скульпторов, которые умеют делать сложный декор, ни даже архитекторов с чертежами, – кажется, это с начала и до конца работа одних каменщиков, которые придумали и сразу вытесали эти стены, и арки, и все.

Но, в отличие от арабских городов с их грязью, сплетениями электропроводов со слипшейся, испревшей от жары изоляцией, опутывающих улицы жирной паутиной прямо над головой, с их вонью из подворотни, где продают шеи, головы и кишки верблюдов, с их пустыми в Курбан-байрам улицами, по которым снуют обезумевшие от запаха крови зарезанных баранов кошки, этот город выглядит как Лозанна или Монпелье. Чистый европейский город с тщательно промытыми морщинками времени, с застекленными арками, которые уже не надо закрывать на ночь металлическими ставнями, с кондиционерами, кафе, бутиками... Знаете, это как если бы Бейрут вдруг обратно стал средиземноморской столицей, как в 1930-х, и французская колония распространилась бы и на арабскую часть, и в лавках, где резали баранов или жарили шаурму, стали бы продавать швейцарские часы и бриллианты.

Такая невероятная мечта арабского города о том, чтобы стать европейской столицей. Совершенно нереальное пространство.

Я стал искать, кому и как удалось это построить. Пожалуй, это были странные поиски. Не потому, что это было как-то очень сложно, – бывали и более безнадежные случаи, хотя редко. Просто я ожидал, что вообще не нужно будет прилагать никаких усилий. В наше время реконструировано не так уж много исторических городов, и если это произошло – как, скажем, в Барселоне, Берлине, Бирмингеме, – то об этом в городе кричат на каждом углу. Этим гордятся, это показывают туристам, в каждом киоске лежит по путеводителю.

В Иерусалиме путеводителей нет. В смысле – там тьма путеводителей, но ни в одном из них ничего не говорят о новой архитектуре Еврейского квартала. Больше того, нет там и путеводителей для архитекторов, которые продают в специализированных магазинах. Но и это не все – там нет даже монографий на эту тему на английском языке. И вообще, все как-то странно на тебя смотрят, когда ты пытаешься что-нибудь узнать.

Я стал искать информацию уже всерьез. Первое, на что я наткнулся, была дискуссия вокруг реконструкции синагоги Хурва. Это очень знаменитая синагога – ее начали строить в 1701 году, не достроили, в 1721-м арабские власти разрушили ее за долги еврейской общины, до 1864 года она стояла в руинах (откуда и название), в 1948 году ее взорвали иорданцы, чтобы уничтожить следы присутствия евреев в этом квартале. После возвращения Иерусалима площадь Хурва стала памятным местом, это самый центр Еврейского квартала. Долгое время здесь стояла арка в память о руинированной синагоге. И вот с 2002 года ее восстанавливают по проекту архитектора Наума Мельцера – снаружи уже закончили.

Синагога Хурва практически достроена, сейчас оформляются интерьеры

Дискуссия велась в газетах и на сайтах охраны памятников. Позиции было три. Одна заключалась в том, что синагогу ни в коем случае нельзя восстанавливать, потому что это фальсификация истории, подобная, например, восстановлению храма Христа Спасителя. Иерусалим – удивительное место, здесь как-то необычно соединяются самые, казалось бы, противоположные идеи. Поскольку Израиль передал когда-то часть собственности Русского Палестинского общества Русской православной церкви, что вызвало протесты со стороны Русской православной церкви за рубежом, то среди антисоветских православных паломников и историков неожиданно распространенной стала точка зрения, что РПЦ и евреи всегда заодно, и в восстановлении синагоги видится как бы новое подтверждение этого экзотического тезиса. Вторая позиция заключалась в том, что это политическая фальсификация истории, предпринятая с целью утверждения Израиля в Еврейском квартале. Я сначала даже не очень понял пафоса этой позиции, потому что где же ему утверждаться, как не в Еврейском квартале? Но там именно так – строят синагогу, чтобы стереть память о присутствии арабов, и это неправильно. Наконец, третья позиция заключалась в том, что из-за строительства синагоги не удастся реализовать прекрасные современные проекты. Дело в том, что в начале 1970-х Луис Кан, знаменитый архитектор, придумал для этого места пафосный модернистский ансамбль, который не удалось реализовать из-за сопротивления религиозных евреев: в его проекте они увидели некую реплику Храма (вообще-то справедливо) и возмутились. Потом для этого места делал проект также замечательный архитектор Моше Сафди, ученик Кана, который, на мой взгляд, гораздо сильнее своего учителя. Но у него не было синагоги – у него был мемориальный комплекс, что, по мнению сторонников этой позиции, было гораздо более уместно, ибо передавало дух современности. Они там не на шутку поругались, почему именно преступно восстанавливать синагогу – то ли из уважения к арабам, ее взорвавшим, то ли к современным архитекторам, то ли к подлинности истории вообще. Для эффективности дискуссии явно не хватало кого-нибудь, кто бы сказал, что ее все же нужно восстановить, – тут бы они все объединились и вместе его заклевали, – но такой человек благоразумно не появился, и они уж ссорились между собой.

Обнаружив только что вышедшую книгу Симоне Рикка «Новое изобретение Иерусалима» («Reinventing Jerusalem»), я страшно удивился, почему ее не продают здесь на каждом шагу – вот он наконец, человек, собравший этот материал. Прочитав же, я подумал, что это как раз неудивительно, а удивительно, как странно работает у людей мысль. В общем, этот человек – любитель арабских городов, он много занимался Дамаском и вообще Сирией, и Еврейский квартал он анализирует под этим соусом. Дамаск – интересный город, особенно для тех, кому нравятся восточные базары, в Сирии есть потрясающие античные и христианские памятники, но все равно это очень своеобразный взгляд. Я наконец понял, в чем суть проарабской позиции, так поразившей меня в истории с синагогой, и откуда может возникнуть идея преступности уничтожения следов славных иорданцев, ее взорвавших. История тут отсчитывается от 1947 года. До иорданской оккупации в Еврейском квартале было 20 тыс. евреев (теперь 2,5 тыс.), но если отсчитывать от 1947 года, то получается, что их тут не было ни одного. Соответственно само строительство квартала рассматривается как акт фальсификации – создания подложного свидетельства в виде старого еврейского города на арабской территории. Это очень специальный взгляд, и здесь как бы отсутствуют архитекторы. Поскольку вся застройка велась силами государственной девелоперской компании (Jewish Quarter Development Company), то это строительство рассматривается как акт государственной политики, осуществлявшейся имперсонально.

Помимо собственно фальсификации, автор сетует и на то, что сама выразительность Еврейского квартала тоже украдена еврейскими государственными

архитекторами у арабских городов, в чем ему видится известная несправедливость. Я бы тут, кстати, усмотрел основание для определенных надежд. Ведь если проарабские архитектурные теоретики полагают, что образ Еврейского квартала украден у арабских городов, возможно, они захотят его (образ, а не квартал) как-то себе вернуть, и тогда арабские города много выиграют в смысле цивилизованности и общей привлекательности.

Остатки города времени Ирода под современной застройкой

Вообще-то, главный израильский критик и историк архитектуры – Давид Кроянкер. В качестве главного архитектора города он участвовал в реконструкции Еврейского квартала, и он фантастический знаток архитектуры Иерусалима – сейчас он выпускает, том за томом, свод памятников Израиля, и это выдающийся труд. К несчастью, в многотысячелетней истории Израиля последние 20 лет – очень непродолжительный эпизод, и места ему выделяется пропорционально его длительности. Кроме того, Кроянкер пишет на иврите, я этого языка, к стыду своему, не знаю, а по-английски у него только сокращенные версии.

В 1960-х годах американские архитекторы по заказу иорданских властей планировали разбить на месте квартала парк – это хорошо иллюстрирует состояние территории, которая представляла собой одни развалины. После Шестидневной войны сразу же была образована эта самая компания JCDC по развитию Еврейского квартала. Первый генеральный план квартала нарисовал Арье Шарон. Это личность во многом легендарная, один из выпускников немецкого «Баухауза», приехавший в Палестину в 1931 году, вошедший в правительство Бен-Гуриона и массу всего построивший (умер он в 1984 году).

Надо сказать, именно его генеральный план Еврейского квартала оказался точкой перехода от первого поколения израильских архитекторов ко второму. Тем, кого Кроянкер называет «молодыми израильскими архитекторами», сейчас за семьдесят, но это действительно был перелом поколений. Дело в том, что ранняя архитектура израильского государства была сплошь модернистской. Главное их достижение – Белый город Тель-Авива, памятник мирового наследия ЮНЕСКО, один

из самых известных примеров авангардной урбанистики. У этой архитектуры есть не просто поклонники, а даже фанатики, и она так знаменита, что легкий скепсис в отношении нее вредит ей примерно так же, как Леонардо да Винчи частное высказывание, что Джоконда-де была не такая уж красавица, как о ней принято говорить. И Джоконде от этого не убудет, и Белому городу тоже. Но дома здесь понимались как «машины для жилья», и все это немного напоминает паркинг старых машин.

Так или иначе, следующее поколение израильских архитекторов решило действовать иначе. Две вещи имеют здесь особое значение. Во-первых, музей Израиля, построенный по проекту Эли Мансфельда и Доры Гад в 1965 году. Это модернистская по формам постройка, но в ней впервые придумана специфическая морфологическая структура. Прямоугольные залы лепятся друг к другу в хаотической последовательности, образуя сложную систему дворов и террас, вы попадаете с крыш одних залов в галереи других – своего рода авангардная формула арабской деревни. Эта постройка в силу своего государственного значения (поставленный рядом с кнессетом, музей призван был играть роль духовного центра нового еврейского государства, и здесь собрана изумительная коллекция еврейского модернистского искусства) сыграла роль высокочтимого образца. К сожалению, сейчас музей реконструируется, закрыт, и не совсем понятно, что там будет. Студия Доры Гад потом также участвовала в реконструкции Еврейского квартала, она существует до сих пор, она, кстати, реконструировала московскую синагогу в Марьиной роще.

Во-вторых, знаменитый павильон «Habitat» Моше Сафди на Всемирной Экспо 1967 года в Монреале. Это была вообще новаторская вещь, главное произведение структурализма в архитектуре. Сложная структура представляла собой хаотическое образование из прямоугольных объемов, которые торчали во все стороны, – как гора, на которой построены одноэтажные, наползающие друг на друга домики. Сафди с тех пор стал главным архитектором Израиля, его представляют как единственную звезду израильской архитектуры. Он много построил в Старом городе, прежде всего – ешиву Порет Йосеф, которая выходит прямо на площадь перед Стеной и служит фасадом Еврейского квартала со стороны Мечети Скалы. Если Мансфельд и Гад впервые предложили архитектурную структуру, воспроизводящую Старый город, Сафди придумал, как это должно выглядеть.

Среди главных архитекторов Еврейского квартала я бы назвал еще Рэма Карми и его сестру Аду Карми-Меламед. Их самая известная постройка – здание Верховного суда Израиля – находится за пределами Еврейского квартала, но Рэм Карми в течение 20 лет строительства был главным архитектором Министерства строительства Израиля, и фактически именно он стал идеологом всей этой истории (Ада Карми-Меламед в большей степени практический архитектор, чем идеолог). Я читал его выступление на представлении здания Верховного суда, и, должен сказать, это было сильное выступление.

Вид от Стены Плача на ешиву Порет Йосеф. Архитектор Моше Сафди

В одной статье я нашел определение «архитектура сабров». Это в первую очередь относится к Рэму Карми – он родился в Израиле. В отличие от архитекторов, приехавших из Европы, он очень нежно относится к самой земле. Вообще, свою главную архитектурную задачу он сформулировал так: «найти архитектурный код земли». Именно он программно заявил, что арабские деревни – это архитектура, которая сложилась здесь на протяжении веков, «библейская архитектура», как он ее называет, и задача современного архитектора – прочесть ее, понять грамматику и слова. «Нам нужно заново заговорить языком еврейского пейзажа – стена, ворота, терраса, галерея, границы, улица, переулок». А как он говорит о камне! «Вы же понимаете, камень в Иерусалиме – это не камень, это сам Иерусалим, это его плоть». Собственно, всю формулу построения Еврейского квартала я нашел именно у Карми, недаром он корректировал генплан Шарона. Это была сознательно поставленная задача – найти новый язык, – и она была выполнена.

В этом смысле претензии к подобной архитектуре достаточно смешны – она не занимается фальсификацией истории, потому что вовсе не представляет историю – она представляет сегодняшний день. Это все равно что объявить фальсификацией истории иврит – хотя, впрочем, такие заявления тоже имеют место. Пафос этой архитектуры – современная жизнь, высказанная библейским языком. Но, пожалуй, некоторая логика в указании на заимствование образов арабских поселений действительно присутствует. Вообще-то, надо изумиться степени толерантности этих израильских архитекторов, позволивших себе увидеть в арабских поселениях выражение генетического кода земли, на которой они строят, отнесшихся к ним с такой открытой симпатией. Ведь это означает признание их глубинной уместности здесь, их органической связи с землей. Для героя войны 1967 года Карми, надо признать, очень

широко мыслящий человек. Во всяком случае, с обратной стороны такого признания не происходит.

И все равно, даже узнав этих архитекторов, я никак не мог понять, как же им это удалось. Повторю, создание естественного, органического города не может быть произведением только лишь архитекторов. Это произведение всей жизни в целом, тут масса интересов, масса агентов, за ними невозможно уследить, и в конечном счете они все равно делают то, что всем выгодно. А тут какое-то всеобщее устремление в сторону, в которую обычно никто не рвется, – в сторону создания естественного города, который будто бы существовал здесь веками.

Иерусалим, то есть Старый город внутри стен, – это все-таки сумасшедшее место. Подобного нет ни в Тель-Авиве, ни в Хайфе, которые в этом смысле все-таки очень обычные города. Такого вообще больше нигде нет. Обычный город, как ни верти, живет прежде всего, как бы выразился Толстой, мыслью хозяйственной. Ну, некоторые города еще живут мыслью административной. А здесь целый город – с христианским, мусульманским и еврейским кварталами, – который живет исключительно метафизическими проблемами.

Именно поэтому он меня так вот схватил и потащил к Стене. Собственно, поэтому он и мог таким состояться. Общее устремление людей здесь было не продажа недвижимости, не девелопмент, а право присутствия, право участия в смысле жизни. Это крайне специальная устремленность, и она, по-моему, неповторима. Во всяком случае, Яффа, где в 2000-х годах создана точно такая же государственная компания по развитию старой Яффы (OYDC), которая вроде бы руководствуется теми же принципами, покамест выглядит как туристический центр в Шарм-эль-Шейхе, развлечения, построенная для туристов. В ней не ощущается подлинности. А в Иерусалиме она есть. Устремления архитекторов здесь совпали с устремлениями людей.

В этом городе много памятников, и трудно что-нибудь добавить. Но я бы добавил. Это все же единственный пока в мире удавшийся эксперимент по созданию органического города. Есть чем гордиться и есть что показывать. Ни у кого больше не вышло.

ЛЕХАИМ ИЮНЬ 2009 СИВАН 5769 – 6(206)

ОТ «ЭПИКОЙРЕС» К «ОРТОДОКС»

Àéàñ Dàì Ìí Ìòò

Режиссер Игорь Пехович

Голос

2009

Актер и театральный режиссер, исполнитель псалмов и ашкеназского фольклора Игорь Пехович счастливым образом соединяет сценическую деятельность с мастерством кантора. После Щукинского училища он окончил Академию канторского искусства. В спектаклях на еврейскую тему, поставленных Пеховичем, соседствуют сакральные и современные тексты; обогащая друг друга, в этих постановках соперничают две составляющие: театральная и ритуальная.

В течение последних семи лет И. Пехович руководит театральной студией при Московском гуманитарном университете, где ежегодно выпускает премьерный спектакль по пьесе классического репертуара. Его мастер-классы или «театральные лаборатории по системе Грановского–Михоэлса», как сам он их называет, проходят на выездных молодежных семинарах, организованных при участии московских филиалов «Сохнут», «Джойнт» и «Гилель». Несколько его учеников успешно учатся в театральных вузах Москвы.

В конце апреля в Еврейском культурном центре на Большой Никитской прошел поставленный им «Голос». Это спектакль-дуэт, то есть голосов на самом деле два: мужской и женский. Мужской принадлежит актеру И. Пеховичу. Женский голос – Елена Ласковая, актриса театра и кино, телеведущая, доцент кафедры сценической речи Театрального института им. Щукина и преподаватель ВГИКа. В постановке использована ее музыка – стихи из «Песни песней» «Да лобзает он меня лобзаньем уст своих!» Елена поет на собственную мелодию.

Оформление сдержанное, даже минималистское (художник Мария Орлова): шифоновый занавес с нарисованными на нем прозрачными плитами циклопической кладки (Стена Плача?), единственный перед занавесом стул – вся декорация. При этом спектакль чрезвычайно насыщен, даже перенасыщен, текстуально. Герой Пеховича, еврей в черном костюме, он же – вневременной «человек вообще», начинает представление стихами Бродского «Посвящается стулу». Помните: «Материя возникла из борьбы, / как явствуют преданья старины. / Мир создан был для мебели, дабы / создатель мог взглянуть со стороны...»? После этого звучат отрывки из поэмы «Исаак и Авраам», их сменяет хасидское пение и свершение кругов вокруг воображаемой бимы со свитком, обернутым в талит. Русские стихи уступают место синагогальным распевам, звучат песни на идише, еврейские и украинские мелодии, исполняемые а *carrella* и без слов.

Голос (со строчной буквы) отделенный от своего носителя, он же Голос свыше – самостоятельный и полноправный участник этого действия. Женский голос вторит мужскому из-за занавеса. Так положено в доме учения – женщины должны быть отделены от мужчин. Мужчина доминирует и в синагоге, и на сцене – большую часть времени, пока идет спектакль, герой Пеховича один.

Елена Ласковая выходит, когда начинается монолог из романа Гроссмана «Жизнь и судьба», то место, где мать пишет сыну письмо перед уходом в гетто. В отличие от быстро перемещающегося, жестикулирующего героя с выразительной мимикой, актриса статична, скупа на жесты и фиксирует внимание зала именно голосом с чрезвычайно богатым набором интонаций.

Помимо И. Бродского и В. Гроссмана в спектакле звучат: отрывок из пьесы «Диббук» Ан-ского, статистика Холокоста (число погибших и уцелевших в странах Европы), стихи русскоязычной израильтянки Г. Зингер, хасидский напев «Мипней ма йорэдэт а-нешама» и, как мощный финальный аккорд, старинная молитва «Гинейни мухон умзумон» в канторском исполнении. Продолжительность действия – чуть более часа.

По сути, зрителю предложен обратный отсчет, путешествие по времени, в глубь иудейской традиции и еврейской истории, движение от современного ассимилированного сознания к религиозному самоощущению тех, кто строго соблюдал все 613 заповедей Талмуда, от «эпикоийрес» к «ортодокс».

Кстати, о движении, сценическом и не только. «Жест – выражение мысли» – вот тезис, характеризующий эту актерскую игру. Современный зритель не видел спектаклей основателя профессионального еврейского театра в России А. Грановского, мало что снято на кино- и фото пленку из спектаклей ученика А. Грановского, руководителя ГОСЕТа С. Михоэлса, но и по тому немногому, что сегодня доступно из их наследия, видно, что поиск И. Пеховича продолжается в направлении, положенном двумя этими режиссерами.

Модерность как отказ от примет времени, от реалистических подробностей и социальной конкретики, стремление к обобщению, к притче, к выразительности на грани гротеска, свойственные театру начала XX века, присутствуют и в спектакле «Голос», успешно идущем в наши дни и впервые поставленном Игорем Пеховичем на рубеже Миллениума.

«МИЛЬОН ТЕРЗАНИЙ», ИЗРАИЛЬСКАЯ ВЕРСИЯ

Ḥāšîmî Çeîāšî

Режиссер Уди Бен-Моше

Американская принцесса

Израиль, 2009

Новая постановка классической пьесы – всегда событие, даже если речь идет о классике шестидесятых. Многие израильтяне-«шестидесятники» утверждают, что «Американская принцесса» – едва ли не лучшее из произведений местной драматургии, и уж во всяком случае, не ознакомившись с ним, невозможно составить представления об отечественной культуре. Премьера этой трагикомедии Нисима Алони с Йоси Банаем и Авнером Хизкияу открыла в 1963 году «Театрон а-онот». С тех пор она ставилась не один десяток раз, что свидетельствует об обоснованности рекомендаций.

Начнем с общей сюжетной канвы. Действие пьесы происходит в условной Латинской Америке. Молодой человек, называющий себя наследным принцем Фердинандом, арестован по обвинению в убийстве собственного отца, короля Великой Богомании в изгнании, Бонифациуса Виктора Феликса из дома Гогеншваденов, в новой жизни – Феликса Ван Шванка, учителя французского языка. Старик убит из пистолета во время съемок псевдобиографического кинофильма о самом короле. В пистолете оказываются настоящие пули и король оказывается настоящим королем, а не перенесшим очередную пластическую операцию комедиантом. На сцене присутствуют только два актера и только два или три персонажа (мы не знаем, реален ли королевский двойник). Кроме этого, есть еще голоса «за кадром»: великий кинорежиссер-неудачник Жан-Поль Крупник, напоминающий и о Жан-Люке Годаре, и о Жан-Поле Сартре, его помреж и некий «капитан», допрашивающий убийцу в тюрьме. Сама же загадочная «американская принцесса» Долли Кокомакис, заказавшая фильм (а возможно, и убийство), присутствует лишь в разговорах героев.

Режиссер Уди Бен-Моше мог акцентировать любую из намеченных драматургом тем. Опираясь на текст, можно было бы сделать спектакль о конфликте поколений или об отношении сына и отца в духе старого доброго фрейдизма; можно было сконцентрироваться на все еще актуальном «американском мифе» или сыграть на столь популярной в наши постсионистские дни иммигрантской дудке «бывших людей». Что же выбрал режиссер? Ни одна из этих тем, промелькнув, не стала доминантной. Даже напрашивающиеся сами собой ассоциации с убийством Ицхака Рабина (вся атмосфера плохо скроенного детектива и абсурдного трагифарса, связанная с этим политическим убийством, в котором концы с концами никак не желают сходиться,

вроде крика телохранителя: «Холостой, холостой!», словно бы взятого прямо из пьесы Алони, позволяют заподозрить в ней «пророческий» элемент) не вдохновили Уди Бен-Моше. И только предвосхищающий постмодернистский релятивизм мотив относительности правды и иллюзии, жизни и игры превращается в этом новом прочтении пьесы в лейтмотив.

Арье Чернер (король) и Уди Ротшильд (принц Фердинанд) делают все возможное, чтобы зритель остался доволен. Они, как говорили в былые времена, хорошо, убедительно играют. И это уже немало. Но что именно они играют? Ротшильд (миниатюрная версия Хью Гранта) играет реалистическую драму одурченного некими высшими силами молодого человека. Вторая роль сложнее. В пьесе все как будто объясняется: двойник-злоумышленник в финале сообщает, как ему удалось заманить на съемки короля и зарядить пистолет настоящими пулями. Но Чернеру удается запутать зрителя, сыграв то ли раздвоение королевской личности, то ли хитрый политический финт, то ли и вовсе наваждение, кошмар в его сонной убедительности. И мы уже вовсе не уверены ни в том, что король действительно убит, ни в том, что он реально существовал за пределами киноленты.

Не менее важную роль в спектакле сыграли сценограф Светлана Бергер и художник по свету Рони Коэн. Пользуясь самыми скудными средствами, они не только убедительно передали вторжение кино в театр, но и поддержали напряжение в расползающейся драматургической ткани.

Побывав на премьере в иерусалимском Хане, автор данной заметки действительно убежден, что не потратил время зря, несмотря на то, что классический шедевр представляется ему сочинением довольно слабым. Точнее сказать – очень далеким от совершенства, хотя и весьма показательным.

Достаточно уже и того, что после знакомства с пьесой Алони делается очевидным, откуда есть пошел весь тот миллион комических терзаний израильского драматурга № 1 Ханоха Левина, который и по сей день определяет гамму гротескных гримас на лице израильского театра и шире – всего нашего светского общества. «Американская принцесса» – очень израильское произведение, хотя все приметы места нарочно замаскированы до неузнаваемости (прием, использованный впоследствии Левином в большинстве его пьес). Даже неизбывная бесформенность, характерная для израильского искусства и для ментальности в целом, видимо, говорит со зрителем, что называется, «от сердца к сердцу». Прошу понять меня правильно, в самой бесформенности нет еще знака минус. В прошлом она блестяще проявилась в таком грандиозном произведении, как Гемара, а сегодня продолжает жить и побеждать в самой экзистенции нашего странного государства. В то же время, когда речь идет не о коллективном труде людей, меньше всего думающих об эстетике, а о произведении искусства, иногда хочется большего композиционного единства.

ПРОЩАЙ, АФРИКА!

Ī àðé Çàé÷èé

Израильская сборная по футболу с 1970 года не выступала в финальных турнирах чемпионата мира: все эти годы никак не получалось пробиться сквозь отборочное сито соревнований. Несколько раз, правда, сборная была близка к финалу ЧМ, но сделать последний рывок так и не могла.

Болельщики на Национальном стадионе в Рамат-Гане.

Отборочный матч Израиль–Греция чемпионата мира 2010 года. М

март 2009 года

28 марта на Национальном стадионе в Рамат-Гане сборная Израиля под предводительством Дрора Каштана принимала команду Греции. Гостей представлять нужды особой нет: пять лет назад греки сенсационно выиграли чемпионат Европы в Португалии. Да и потом выступали очень достойно.

Состав греческой команды очень сильный. Большинство футболистов играют в лучших европейских клубах. Особого внимания достойны форвард «Портсмута» Теофанис Гекас, защитник Юркас Сейтаридис («Атлетико», Мадрид), автор золотого гола финала чемпионата Европы 2004 года Ангелос Харистеас, выступающий за «Байер» из Леверкузена, Георгиос Самарас из шотландского «Селтика» и, конечно же, тренер греческой команды Отто Рехагель, которого буквально боготворят греческие болельщики.

Для того чтобы выйти в финальный турнир ЧМ 2010 года в ЮАР, израильтянам необходимо было выиграть дома и, как минимум, сыграть вничью в ответном матче 1 апреля на греческом острове Крит.

Уже в конце февраля Каштан и его помощник Моше Синай объездили все европейские клубы, за которые выступают израильские легионеры. Просмотрели таких игроков, как Пини Балили (турецкий «Сибаспор»), Эльянив Барда (бельгийский «Генк»), Тамир Коэн («Болтон»), Йоси Бен-Аюн («Ливерпуль»), Роберто Колаутти и Галь Альберман («Мюншенгладбах»). Каштан пригласил из бельгийского «Локкерена» Йоава Зива вместе с другим защитником Ави Струлом. Помимо них вызвал, как обычно в последнее время, форварда Омера Голана из «Локкерена». Балили и Колаутти, а также Салим Туам в сборную на матчи с греками приглашения не получили.

Проблема израильской сборной состояла в том, что ее капитан и бессменный лидер Йоси Бен-Аюн прилетел из Англии с незалеченной травмой, и руководство команды не было уверено в том, что полузащитник восстановится за оставшееся время. Тренеров сборной – и болельщиков в не меньшей степени – волновал также вопрос о кондиции нападающего Барака Ицхаки (иерусалимский «Бейтар»), который долгое время не привлекался в национальную команду по причинам самого разного характера. Барак набрал блестящую форму вовремя, и Каштан вернул его в сборную.

В стартовом составе в игре с греками Ицхаки на поле все-таки не вышел, а после выхода на замену во втором тайме ничем особенным не выделился. Вместе с Ицхаки был приглашен и его партнер по клубу Амит Бен-Шушан. Интересно, что юное дарование Маор Бузагло из «Маккаби» (Тель-Авив) тренеры от сборной «отцепили».

В общем, неожиданностей с составом хватало. (Как всегда, наверное, бывает у специалистов такого класса, как Дрор Каштан.) Однако не будем забывать, что ответственность за результат лежит не только на тренерах, но и на игроках. 40 тыс. билетов на первый матч в Израиле были проданы за рекордно короткое время.

Омер Голан. Отборочный матч Израиль–Греция ЧМ-2010.

март 2009 года

Греки прилетели за два дня до матча. Типичные жители Средиземноморья – летучие, веселые, нервные, спесивые и внешне чем-то похожие на своих соперников из Израиля. Они были уверены в успехе. Предматчевые интервью их семидесятилетнего тренера и игроков звучали спокойно и убедительно. Немецкий специалист заявил, что «такой команде, как Израиль, грекам проигрывать стыдно».

Израильская команда вышла на первый отборочный матч с греческой сборной в следующем составе: Ават, Сабан, Бен-Хаим, Кейнан, Бен-Даян, Бен-Аюн, Альберман, Коэн, Саар, Барда, Голан.

В первом тайме наиболее заметным оказался молодой Бен-Саар, несколько раз блестяще обыгравший двух-трех опытных защитников греков. Он прекрасно открывался и взаимодействовал с партнерами, но гола так и не забил. На 42-й минуте встречи греческий форвард Гекас использовал-таки ошибку израильских защитников и вратаря Авата. Первый тайм завершился со счетом 1:0 в пользу гостей.

На 57-й минуте встречи Саар отлично вывел в прорыв Бен-Аюна, который после рывка сделал зрячую передачу в штрафную. Омер Голан был первым у мяча и сравнял результат. И у греков и у израильян было еще несколько моментов для взятия ворот, но никто не забил.

Результат встречи – 1:1 – в Израиле был встречен с известным разочарованием: разве не надеялись мы все на домашнюю победу?

Лучшими в израильской сборной были Саар и Альберман. Бен-Аюн был заменен за 20 минут до финального свистка. Ситуация в турнирной таблице израильской группы осложнилась. Швейцария и Греция вышли на первое место с 10 очками каждая.

Ответная игра соперников была назначена на острове Крит 1 апреля.

Объективно греческая команда, даже постаревшая и потяжелевшая с 2004 года (золотой год европейского чемпионата в Португалии), выглядела куда значительней израильской команды.

И вечером 1 апреля на стадионе «Ираклион» столичного города Крита израильтяне могли взять очки только за счет воли, небывалой самоотдачи и собранности.

Гал Альберман. Отборочный матч Израиль–Греция ЧМ-2010.

март 2009 года.

В стартовом составе израильтян не вышел капитан и лидер команды Йоси Бен-Аюн, который все еще не выздоровел.

На поле тренер Каштан выпустил следующих игроков: Ават, Сабан, Бен-Хаим, Кейнан, Бен-Даян, Зив, Кейаль, Альберман, Шехтер, Бен-Саар, Голан.

Появление на поле молодого форварда Шехтера многих удивило. Итай должен был заменить Бен-Аюна, и вопрос заключался в том, сможет ли он это сделать достойно.

Первый тайм выиграли хозяева со счетом 1:0. Сильпинагидис сильно пробил низом по отбитому защитниками мячу и забил.

Во втором тайме вышел Бен-Аюн вместо Бен-Саара и израильяне активизировались, резко прибавив в атаке. На 59-й минуте Эльянив Барда (заменил Йоава Зива еще в первом тайме) сравнял результат, пробив из штрафной площадки, – 1:1.

На 67-й минуте молодой Бирам Кейаль опрометчиво свалил греческого форварда и Самарас вывел с пенальти свою команду вперед – 2:1.

В результате греки победили и вместе со сборной Швейцарии возглавили турнирную таблицу группы с 13 очками после пяти игр. Латыши поднялись на третье место с 10 очками. Израиль на четвертом месте с 9 очками.

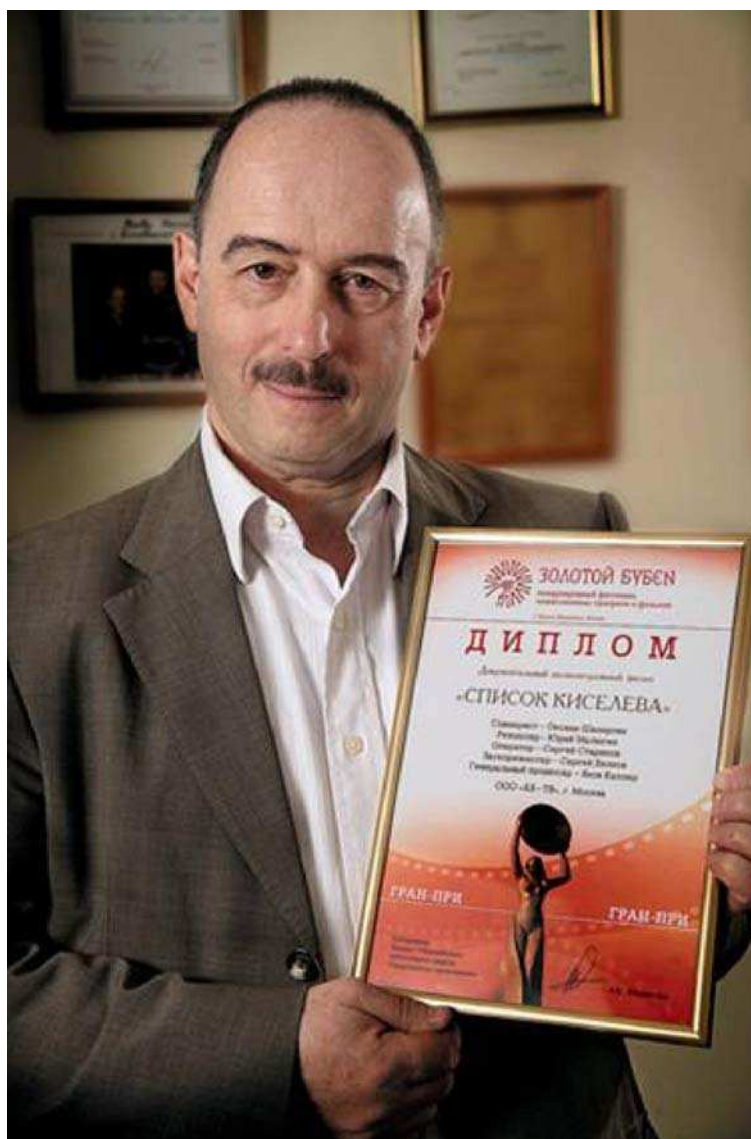
Следующий отборочный матч израильяне проведут дома в сентябре против сборной Латвии.

Каштан, омоловивший сборную самым решительным образом, так и не смог вывести ее в финальный турнир ЧМ 2010 года. За путевку в Бразилию на ЧМ 2014 года наша команда будет бороться под руководством уже другого тренера.

ПРОДЮСЕР ОЗНАЧАЕТ ИНИЦИАТОР

Éàà Èàð-áàñéé

Прихожая и часть коридора компании «АБ-ТВ» увешаны несчетным количеством дипломов – свидетельствами призов, завоеванных на различных кинофестивалях. С порога понимаешь: дверью не ошибся, попал к людям кино. В ожидании руководителя компании продюсера Якова Каллера читаю названия: программы А. Смелянского «Предлагаемые обстоятельства» и «Сквозное действие», телевизионный цикл из 52 (!) серий «Машины времени», фильмы «Гиперболоид инженера Шухова», «Генерал Рощин, муж Маргариты», «Список Киселева», «Нобелевский лауреат». Оказывается, все эти отмеченные премиями картины, – продукция одной студии. В директорском кабинете дипломы тоже теснятся на стенах. Судя по названиям, преобладает культурологическая направленность и фильмы, посвященные развитию отечественной техники. Последнее наугад отношу на счет технического образования хозяина кабинета.

До ВГИКа Яков Александрович окончил Московский институт стали и сплавов, получил диплом инженера электронной техники и был распределен в научно-исследовательский Институт источников тока НПО «Квант». Институт занимался альтернативными источниками энергии, солнечными батареями, аккумуляторами для космических полетов – это и сегодня перспективно. В НИИ он проработал двенадцать лет и установил рекорд, достойный «Книги Гиннеса»: сдал все экзамены, восемь раз не был принят в различные научные аспирантуры. Уволился ведущим инженером, автором более двадцати научных статей, четырех авторских свидетельств и многих рацпредложений.

Восьмой раз не поступив в аспирантуру, он решил, что больше не будет в это играть. И ушел работать на киностудию им. Горького, существенно потеряв в окладе. Начиная с должности «замдиректора съемочной группы». На киностудии работал с замечательными режиссерами Станиславом Ростоцким и Татьяной Лиозновой. В съемочной группе советско-норвежского фильма «И на камнях растут деревья» Я. Каллер был единственным специалистом с высшим техническим образованием. Режиссер поручил ему постройку двух деревянных ладей, наподобие тех, в которых плавали викинги. Причем Ростоцкий хотел, чтобы они были длиннее выставленных в музее викингов в Осло. В итоге две огромные ладьи, украшенные драконьими мордами, построили по техзаданию Я. Каллера на судостроительном заводе в Карелии. Его

рассказ об этом полон колоритных подробностей: «Когда мы везли их на открытой палубе из Петрозаводска в Выборг, встречные суда сбавляли ход, чтобы насладиться зрелищем, и приветствовали нас сигнальными флажками. После съемок ладьи остались в Выборге, сейчас на них оборудованы плавучие кафе. В 2010 году я хотел бы как-то отметить этот юбилей – 25-летие выхода фильма».

На киностудию им. Горького Яков Каллер пришел в 1981 году. Через три года стал директором съемочной группы, затем – руководителем творческого объединения «Зодиак». До 1991 года работу на студии он совмещал с написанием кинокритических и юмористических рассказов, публиковавшихся в «Литературной газете», «Московском комсомольце», «Труде» и в других изданиях. В начале 1990-х, когда прокат заполонило дешевое американское кино, уволился с киностудии и участвовал в создании совместного предприятия «Арт-бизнес центр». Предприятие занялось издательской деятельностью, со временем при нем была создана производящая телефильмы организация. В 1993 году Я. Каллер стал генеральным директором компании «Арт-бизнес ТВ», где выпускали телепрограммы для Первого канала. В 1999 году компания была преобразована в «АБ-ТВ», со сменой названия произошла переориентация от развлекательных программ к просветительским и к выпуску познавательных документальных фильмов. Два эти направления преобладают в компании и сегодня.

«АБ-ТВ» выпускает ежедневные и ряд еженедельных телепрограмм. Каждый день на канале «Столица» выходит «Хронограф». Он рассказывает об основных исторических событиях, случившихся в данный день, и о людях, вписавших яркие страницы в историю Москвы. Программа «Народный контроль» существует уже три года и посвящена защите прав потребителей. У «НК» есть «горячая линия», по ней легко обратиться за помощью в решении вопросов, которые могут возникнуть у каждого: покупка товаров, страховка, взаимоотношения с ЖЭКом и т. п.

Еженедельные телепрограммы носят просветительскую или социальную направленность. Передача «Чужие здесь не ходят» была посвящена полномочным послам иностранных государств в России и истории особняков, в которых расположены посольства. «Градъ-Город» на канале «Доверие» повествует об истории и сегодняшнем дне московских районов, улиц и площадей. «День открытых дверей» знакомил с московскими учебными заведениями, помогал при выборе образования и профессии. Программу «Московский провинциал» Я. Каллер придумал, чтобы противостоять ксенофобии, она рассказывала о мигрантах, добившихся профессиональных успехов в Москве и ставших достойными жителями столицы. Новые программы «Доска почета» (канал «Доверие») и «Московский стиль» (канал «Столица») – о выдающихся москвичах. Развивается сотрудничество с каналами «Россия» и «НТВ-Мир». Документальные фильмы и циклы идут, главным образом, по каналу «Культура».

«Список Киселева», вышедший в 2008 году, стал одним из самых заметных фильмов компании «АБ-ТВ». «Рейд обреченных» – так называлась рецензия о фильме, которую «Лехаим» опубликовал в январском номере этого года. Историко-документальная лента о спасении партизанским отрядом Николая Киселева более двухсот белорусских евреев получила девять кинопризов, ее увидели телезрители России, Израиля, Западной Европы, Канады и США. «Список Киселева» не первое обращение «АБ-ТВ» к еврейской теме.

– Федерация еврейских общин периодически заказывает нам фильмы и ролики о своей деятельности. Мы сделали фильм о религиозной школе для девочек «Хая-Мушка», об организации «Маген», противостоящей миссионерам, сняли ролики об открытии МЕОЦа, о благотворительных организациях ФЕОР. Ежегодно снимаем церемонию награждения премией «Человек года» в Большом Кремлевском дворце и празднование Хануки на Манежной площади. В Израиле это показывают по каналу «Израиль Плюс», а на Европу и Северную Америку транслирует для своих подписчиков «НТВ-Мир». Недавно снимали для ФЕОР конкурс проектов по устройству Еврейского музея на ул. Образцова в стенах Бахметьевского гаража, спроектированного Мельниковым и Шуховым. Здание это мы снимали дважды: в первый раз, когда делали фильм о конструкторе Шухове, авторе уникального перекрытия Гаража.

Сотрудничество с Федерацией еврейских общин России началось в начале 1990-х, когда Александр, старший сын Якова Каллера, серьезно занялся еврейской историей и религией. Он начал посещать старую синагогу в Марьиной роще, где познакомился с приехавшим в Москву раввином Берлом Лазаром. Яков Александрович в то время уже занимался телевидением и был первым, кто показал марьинощинскую общину по ТВ.

Сегодня Александр Каллер – раввин. У него своеобразная должность: «русский раввин» в Майами. Его организация называется «Хабад Рашен-центр», но общину посещают не только эмигранты из России, приходят израильтяне, евреи из Латинской Америки и родившиеся в США. Александр учился сначала в Лондоне, затем в Нью-Йорке, с 2002 года работает в Майами.

– Он сам выбрал место, предложил арендовать большое здание, использовавшееся раньше в других целях, оно было переделано в синагогу. То есть при помощи движения Хабад он создал новый центр, где теперь работает. На праздники там собирается до восьмисот человек. Когда я туда приезжаю, мне приятно видеть, как эти люди к нему относятся. Александр женат, у меня уже два внука, родившихся в Майами.

Заметным событием стал и занял достойное место в фильмографии «АБ-ТВ» фильм «Тайны трех миллиардов» об истории «Татнефти». На X Евразийском телефоруме он получил приз в номинации «Портрет компании». Один из главных проектов «АБ-ТВ» этого года – авторский цикл А. Смелянского, посвященный актеру, режиссеру, руководителю МХАТ-2 и театральному педагогу Михаилу Чехову. В 1920-х годах он вынужден был эмигрировать, работал во многих городах мира, окончил свои дни в Голливуде. Отъезд в Америку после оккупации части Европы гитлеровцами тоже был вынужденным, мать Михаила Чехова – еврейка. Съемки велись в России, Европе и США. Сейчас завершается монтажный период; премьера намечена на осень 2009-го на канале «Культура».

Рассказ о выдающихся людях, изменявших мир, – постоянная тема документальных фильмов «АБ-ТВ». В ближайших планах компании ленты о георгиевском кавалере генерале Михаиле Гориккере, предложившем в 1941-м конструкцию противотанкового «ежа», о герое Советского Союза вертолетчике-испытателе Владимире Колошенко, о евреях-меценатах дореволюционной России.

В титрах всех документальных фильмов «АБ-ТВ» написано: «продюсер – Яков Каллер». Но его участие не ограничивается поиском средств и общей

организацией. Каллер уверен, что продюсер должен не только считать деньги и организовывать: «Хороший продюсер подает идеи. Вот пример – фильм “Водородный лейтенант”. Борис Шелищ, лейтенант войск ПВО, во время войны первым применил водород из аэростатов ПВО в автомобильных двигателях. Это было в Ленинграде во время блокады. Когда его сын, член Общественной палаты Петр Шелищ, мне это рассказал, я понял, что нужно делать фильм. Ведь его отец был первым в мире, американцы создали двигатель на водородном топливе только в 1959-м году. Другой пример – фильм “Список Киселева”. Я учился с дочерью Киселева и, узнав от нее эту историю, предпринял много усилий, чтобы фильм был снят и показан по ТВ».

Предложив идею, он обговаривает с режиссером детали. А в некоторых случаях приезжает на съемочную площадку.

– Снимать надо только то, – говорит он, – что захватило и не оставляет в покое. И ты хочешь показать это людям – есть надежда, что от этого жизнь вокруг станет чуть лучше...

Морис Дрюон: хронист оренбургского двора

В Париже за девять дней до своего 91-го дня рождения скончался знаменитый писатель Морис Дрюон.

Морис Дрюон родился в Париже в 1918 году. Его отец Лазарь Кессель был выходцем из зажиточной оренбургской еврейской семьи, чьи родители перебрались во Францию задолго до всех катаклизмов XX века, в спокойном 1908 году. В Париже он стал актером, выступал в «Комеди Франсез» под псевдонимом Сибер и, говорят, был особенно хорош в роли Гамлета. В 21 год Лазарь покончил с собой – сыну его тогда не исполнилось и трех лет, и отца он, разумеется, совершенно не запомнил. Вскоре мать будущего писателя вышла замуж за нотариуса Рене Дрюона, и мальчик получил фамилию отчима. Впрочем, он продолжал общаться с дядей, знаменитым прозаиком Жозефом Кесселем, чьи рассказы о минаретах, караванах с восточными сокровищами и золотых куполах оренбургских церквей навсегда поселили в сердце Мориса миф о прекрасной родине его предков.

Дрюон учился на факультете политических наук Парижского университета, затем окончил военную школу и как кавалерийский офицер сражался с вторгшимися во Францию немцами. После поражения французских войск жил в демилитаризованной зоне, а в 1942-м через Испанию и Португалию нелегально уехал в Лондон, где вошел в ближайшее окружение де Голля. Участником движения Сопротивления стал и Жозеф Кессель. Дядя и племянник вместе сочинили гимн французских партизан – песню, чей статус в национальном сознании французов примерно равен русской «Катюше».

Публиковаться Дрюон начал в середине 30-х, а после войны стал профессиональным литератором. В 1948 году он получил Гонкуровскую премию за трилогию «Сильные мира сего», где описал эпоху между двумя мировыми войнами и показал моральный распад политической и финансовой элиты Третьей республики,

приведший к национальной катастрофе и позору «странной войны». С 1966 года Дрюон – «бессмертный», член Французской академии. Всего ему принадлежат более 50 романов и пьес, в том числе исторический цикл «Проклятые короли» (имеется в виду проклятие, которое перед смертью наложил на Филиппа IV Красивого и всю династию Капетингов великий магистр ордена тамплиеров Жак де Моле, приговоренный к сожжению на костре). В Советском Союзе произведения этого цикла выходили в так называемой «макулатурной серии», их суммарный тираж превысил 25 млн экземпляров. Несколько поколений россиян знакомились с французской историей по Дюма и Дрюону.

Во Франции, однако, Дрюон едва ли не больше был известен как политический деятель и правый публицист – поклонник де Голля и конституционной монархии, многолетний колумнист газеты «Фигаро», в 1968 году, во время студенческих волнений и всеобщей забастовки, обрушившийся на леваков с яростным памфлетом «Будущее в замешательстве». В 1973–1974 годах, при президенте Жорже Помпиду, Дрюон был министром культуры, а впоследствии избирался депутатом Национального собрания Франции и Европарламента.

В 2003 году писатель побывал в России, подружился с Владимиром Путиным и слетал в компании Виктора Черномырдина (российский посол в Украине по дороге учил Дрюона запивать водку пивом) в Оренбург, где пришел в восторг от посещения синагоги, в которой поженились его бабушка с дедушкой. Еще до этого визита, в 1993 году, Дрюон указом Бориса Ельцина был награжден орденом Дружбы народов, а в 2007-м стал иностранным членом РАН.

На похоронах Дрюона присутствовали ведущие французские политики, представители академического мира, крупнейшие деятели культуры. Николя Саркози, обращаясь к покойному с поминальной речью, сказал: «Все твои битвы, столь непохожие внешне, совпадают в одном: в отказе от низости, отказе от мелочности. В течение всей своей жизни ты не переставал утверждать, что величие человеческой воли противостоит неизбежности судьбы».

Î èõàèË Î àèéîâ

ЛЕХАИМ ИЮНЬ 2009 СИВАН 5769 – 6(206)

Алексей Парщиков.

Гений нового зрения

3 апреля в Кельне 54 лет от роду умер Алексей Парщиков – один из крупнейших русских поэтов рубежа веков.

Его дед, педиатр Исаак Рейдерман, был расстрелян в Бабьем Яру в 1941 году, а отца Макса с началом борьбы с «космополитами» выгнали из аспирантуры и отправили на Дальний Восток, где в Приморском крае 25 мая 1954 года и родился будущий поэт. Пути отца, ставшего известным ученым в области внутренних болезней, кардиологии и медицинской генетики, и сына дальше будут пересекаться то в Киеве (где Алексей учился в Сельскохозяйственной академии), то в Москве (где он окончил Литературный институт и прожил до 1991 года), то в Полтаве (вдохновившей его на

знаменитую поэму «Я жил на поле Полтавской битвы»), пока не сойдутся в Кельне, где оба они окажутся в рамках еврейской эмиграции в середине 1990-х.

«Алеша, Вы – поэт абсолютно уникальный по русским и по всяким прочим меркам масштаба», – писал ему И. Бродский. Но и без рекомендации нобелиата было ясно: рядом с нами живет гений. Его стихами напитана кровь, его образами полны глаза нескольких поколений читателей: «Открылись такие ножницы / меж временем и пространством, / что я превзошел возможности / всякого самозванства...» («Землетрясение в бухте Цэ»); «Тот, кто любит тебя, перемены в тебе ненавидит...» («Ревность»); «Я б пошил тебе пару жасминных сапог, / Чтоб запомнили пальцы длину твоих ног...» («Лесенка»).

Именно в связи с его поэмой «Новогодние строчки» (1984) возник термин, давший имя целому поэтическому направлению: в предисловии «Метаметафора Алексея Парщикова» К. Кедров впервые сказал о метафоре, «где каждая вещь – Вселенная». Примечательно, что едва ли не самые эротичные (по советским меркам) строки этого текста: «Ты был юн и хотел поступить, как твой Б-же с горячками города: / отнять у них звездочки и булавки, цепочки и луночки, корты, / где они закалялись ракеткой, и тубики с пудрой, висюльки / гипнотические, и магнитные банки с лосьонами, и свистульки / для подзыва собак, и собак, и эллипсы-клипсы, и общий на шее обруч, / шубки, платья, рубашки, бюстгалтеры, трусики, полночь...» – восходят к книге пророка Йешаяу: «В тот день отнимет Г-сподь красивые цепочки на ногах и звездочки, и луночки, серьги, и ожерелья, и опахала, увясла и запястья, и пояса, и сосудцы с духами, и привески волшебные, перстни и кольца в носу, верхнюю одежду и нижнюю...» (3:18-22).

Он легко мог бы конвертировать свои разнообразные таланты, колоссальную энергетику, пластичное обаяние и фантастическую общительность в громкую карьеру. Но он осознавал свое поэтическое призвание и, уклоняясь от всяких соблазнов, служил Поэзии, предпочтя творческое уединение в немецкой провинции московскому или иному столичному водовороту. В таком выборе было мужество, свойственное и ему, и его творчеству, в котором не найти ни одной дребезжащей ноты.

Как настоящий поэт, он улавливал Вечность в языке. Так, в балладе «Деньги», написанной в 1985 году, он предсказал события на Балканах («В глобальных битвах победит Албания»), отечественный монетаризм («Ты, деньги, то же самое для государства, что боковая линия для рыб»), восстановление рыночной экономики («Попал я денег изнутри в текущую изнанку рынка») и распад страны («Я там бродил по галерее и видел президентов со спины»).

Он был человек-космос, и смерть его оказалась космической катастрофой. На протяжении нескольких дней эта весть главенствовала в блогах. Ошпаренная утратой («Как нас меняют мертвые? Какими знаками?»), позднесоветская интеллигенция вспомнила о своей общности и оплакала в его лице саму себя, чей уход в историю начался так безвременно рано. Одно утешает: от «распахнутой земли» кельнского кладбища, принявшей изнуренное болезнью тело Поэта, отплыл в Вечность корабль его волшебной Поэзии.

Ī èòàèè Āçpááí èĭ

Морис Дрюон: хронист оренбургского двора

В Париже за девять дней до своего 91-го дня рождения скончался знаменитый писатель Морис Дрюон.

Морис Дрюон родился в Париже в 1918 году. Его отец Лазарь Кессель был выходцем из зажиточной оренбургской еврейской семьи, чьи родители переехали во Францию задолго до всех катаклизмов XX века, в спокойном 1908 году. В Париже он стал актером, выступал в «Комеди Франсез» под псевдонимом Сибер и, говорят, был особенно хорош в роли Гамлета. В 21 год Лазарь покончил с собой – сыну его тогда не исполнилось и трех лет, и отца он, разумеется, совершенно не запомнил. Вскоре мать будущего писателя вышла замуж за нотариуса Рене Дрюона, и мальчик получил фамилию отчима. Впрочем, он продолжал общаться с дядей, знаменитым прозаиком Жозефом Кесселем, чьи рассказы о минаретах, караванах с восточными сокровищами и золотых куполах оренбургских церквей навсегда поселили в сердце Мориса миф о прекрасной родине его предков.

Дрюон учился на факультете политических наук Парижского университета, затем окончил военную школу и как кавалерийский офицер сражался с вторгшимися во Францию немцами. После поражения французских войск жил в демилитаризованной зоне, а в 1942-м через Испанию и Португалию нелегально уехал в Лондон, где вошел в ближайшее окружение де Голля. Участником движения Сопротивления стал и Жозеф Кессель. Дядя и племянник вместе сочинили гимн французских партизан – песню, чей статус в национальном сознании французов примерно равен русской «Катюше».

Публиковаться Дрюон начал в середине 30-х, а после войны стал профессиональным литератором. В 1948 году он получил Гонкуровскую премию за трилогию «Сильные мира сего», где описал эпоху между двумя мировыми войнами и показал моральный распад политической и финансовой элиты Третьей республики, приведший к национальной катастрофе и позору «странной войны». С 1966 года Дрюон – «бессмертный», член Французской академии. Всего ему принадлежат более 50 романов и пьес, в том числе исторический цикл «Проклятые короли» (имеется в виду проклятие, которое перед смертью наложил на Филиппа IV Красивого и всю династию Капетингов великий магистр ордена тамплиеров Жак де Моле, приговоренный к сожжению на костре). В Советском Союзе произведения этого цикла выходили в так называемой «макулатурной серии», их суммарный тираж превысил 25 млн экземпляров. Несколько поколений россиян познакомились с французской историей по Дюма и Дрюону.

Во Франции, однако, Дрюон едва ли не больше был известен как политический деятель и правый публицист – поклонник де Голля и конституционной монархии, многолетний колумнист газеты «Фигаро», в 1968 году, во время студенческих волнений и всеобщей забастовки, обрушившийся на леваков с яростным памфлетом «Будущее в замешательстве». В 1973–1974 годах, при президенте Жорже Помпиду, Дрюон был министром культуры, а впоследствии избирался депутатом Национального собрания Франции и Европарламента.

В 2003 году писатель побывал в России, подружился с Владимиром Путиным и слетал в компании Виктора Черномырдина (российский посол в Украине по дороге учил Дрюона запивать водку пивом) в Оренбург, где пришел в восторг от посещения синагоги, в которой поженились его бабушка с дедушкой. Еще до этого визита, в 1993 году, Дрюон указом Бориса Ельцина был награжден орденом Дружбы народов, а в 2007-м стал иностранным членом РАН.

На похоронах Дрюона присутствовали ведущие французские политики, представители академического мира, крупнейшие деятели культуры. Николя Саркози, обращаясь к покойному с поминальной речью, сказал: «Все твои битвы, столь непохожие внешне, совпадают в одном: в отказе от низости, отказе от мелочности. В течение всей своей жизни ты не переставал утверждать, что величие человеческой воли противостоит неизбежности судьбы».

Î èöàèè Î àééîâ

ВЛАДИМИР ГЛОЦЕР:

«ПРАВДИСТ»

19 апреля на 78-м году скончался известный критик и литературовед, исследователь детской литературы, знаток творчества обэриутов Владимир Иосифович Глоцер.

В детстве Володя с братом считались «правдистами», мальчишек называли так, потому что их мама, Бина Савельевна, работала в первой газете страны: сначала простым корректором, затем заведующим корректорской мехлисской «Правды». Однажды при переносе слова она допустила грубую ошибку. Бина Савельевна не бросила детей посреди глубокой сталинской ночи, не кинулась бежать в редакцию, а начала ждать, когда за ней придут. Эту историю Володя рассказал Арсению Тарковскому, а тот не замедлил передать сыну Андрею. Так история, в действительности случившаяся с Володиной матерью, оказалась в «Зеркале». Но в этом эпизоде читается не только страх перед репрессиями, но и особое, доставшееся Бине Савельевне от отца, казенного раввина города Винницы, отношение к букве и слову, перешедшее затем от матери к сыну.

Евреи – народ книги. Володя подтверждал этот тезис всей своей жизнью. Конечно, он был представителем русской культуры, писал и мыслил по-русски, занимался русской литературой и искусством, однако еврейское самосознание было развито у него чрезвычайно. Он сам говорил: «Среда, язык значат очень много. Однако не меняют внутреннего статуса человека. Можно говорить и писать по-русски, служить русскому искусству, в том числе литературе, где главное – слово, и оставаться до мозга костей евреем». Его задевали любые несправедливые высказывания на еврейскую тему. Когда вышла книга Солженицына «Двести лет вместе» и этому событию было

посвящено заседание «Ковчега», Володя единственный выступил, резко осудив ее, тогда как другие лишь прятали глаза.

Мы познакомились в Российской еврейской энциклопедии. Я составляла словник и писала множество статей по изобразительному искусству, Володя – о евреях-литераторах. Человек в высшей степени профессиональный, он резко реагировал на малейшие оплошности. Если люди, с которыми приходилось работать, относились к делу спустя рукава, его это страшно возмущало. Поэтому и возникало ощущение конфликтного характера. Вместе с тем он всегда уважал чужое мнение, ценил чужое знание. Когда хотел сказать о ком-то хорошее, говорил: «Это достойный человек». Многие годы Владимир Глоцер изучал творчество тогда всеми забытого Даниила Хармса. И вот однажды многолетняя литературоведческая привязанность вышла на новый виток: Володя поехал в Венесуэлу и познакомился там со второй женой Хармса, Мариной Малич. В стране, где и понятия-то не имели о Хармсе, Глоцер записал воспоминания Малич. Это была сложная, кропотливая работа. Вдова почти утратила знание русского языка: его вытеснила смесь испанского с французским, путанные рассказы по злой иронии напоминали хармсовские анекдоты. В результате появился роман под названием «Мария Дурново. Мой муж Даниил Хармс», выдержавший несколько переизданий, одна из самых значительных книг Владимира Глоцера.

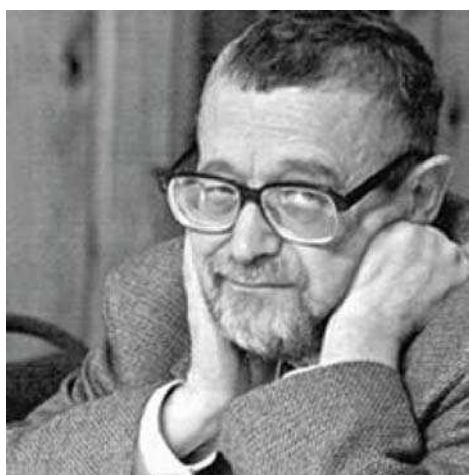
Он по праву считался крупнейшим специалистом по детской литературе, писал сценарии, радиопостановки, знал всех «детских» писателей, в том числе тех, о которых мало кто сейчас помнит. Как не помнят, наверное, сколько «сказочных» пластинок было выпущено Глоцером, а ведь они выходили миллионными тиражами. Не знают, не помнят еще и потому, что Володя выпускал пластинки под псевдонимами – пресловутая «еврейская квота». Было бы неплохо сегодня, переводя винил в цифровой формат, раскрыть наконец подлинное имя человека, переложившего сказку для нежной детской души, к которой Володя относился в высшей степени серьезно и осторожно.

Его смерть стала для меня полной неожиданностью, он никогда не производил впечатления дряхлого и больного. Артистичный, подвижный: берет или кепи, косматые волосы до плеч, шарф, вечный смех, готовность в любую минуту с жаром отстаивать «правду», ту самую, что была привита еще в детстве матерью и за которую многие его недолюбливали. Мы потеряли «штучного» человека, редкого «правдиста», по жизни и творчеству которого уже можем судить об истинных и суровых началах мира.

Ні ôïÿ × àđ ÿê

ЛЕВ ЛОСЕВ: СОБЕСЕДНИК РАНЕНОГО МИРА

6 мая в США в возрасте 71 года умер выдающийся русский поэт Лев Лосев.

Его биография небогата внешними событиями, да и сам он предпочитал держаться «в тени», всю жизнь воспринимая себя не как лидера или одиночку, но как собеседника и комментатора чужих слов. Он родился в 1937 году в семье поэта Владимира Лифшица (1913–1978) – советского, да не совсем: наряду с «проходными» стихами и песнями для кино («Карнавальная ночь», «Сказка о потерянном времени», «Девушка без адреса» – это все он!) Лифшиц-старший ухитрялся публиковать стоически-мрачные антитоталитарные сочинения, написанные от имени вымышленного английского поэта Джемса Клиффорда.

Лифшиц-младший окончил факультет журналистики Ленинградского университета и взял псевдоним Лосев – и чтобы отличаться от отца, и чтобы иметь возможность литературного заработка в условиях государственного антисемитизма. По распределению работал на Сахалине, потом, с 1962 по 1975 год, – в детском журнале «Костер», где помогал печататься Иосифу Бродскому, Евгению Рейну и другим.

С юности Лосеву повезло с друзьями. Еще в университете он попал в компанию «филологической школы» – одной из первых в СССР групп неофициальной литературы, куда входили Леонид Виноградов, Сергей Кулле, Владимир Уфлянд, Михаил Еремин, впоследствии – прославленные поэты. От них Лосев получил «прививку» любви к футуризму и авангарду, помогавшую ему всю жизнь. «Лучше

через бюджетлячество и кубофутуризм добраться до Ахматовой и Мандельштама и всего остального, чем любой другой путь», – заметил он в мемуарном очерке. Однако свои сочинения, написанные в то время, Лосев ценил невысоко. Для заработка он публиковал детские стихи и пьесы – некоторые из его пьес, написанных в соавторстве, сохранялись в репертуаре театров даже после эмиграции автора.

Стихи, к которым сам Лосев относился серьезно, начались в 1974 году. Тридцать семь лет – дебют очень поздний, зато Лосев сразу же после выхода первых своих книг в «тамиздате» занял место в первом ряду русских поэтов. «Поэтика Лосева – точное попадание без учебных стрельб», – комментировал позже Михаил Айзенберг.

В 1976 году Лев Лосев эмигрировал в США. Сперва работал наборщиком-корректором, потом защитил диссертацию и стал профессором русской литературы. Еще в 1960-х годах Лосев познакомился с Иосифом Бродским и стал не только поклонником, но и многолетним исследователем творчества будущего нобелевского лауреата. Под его редакцией вышли сборники «Поэтика Бродского» (1986) и «Как работает стихотворение Бродского» (2002), он написал биографию поэта для российской серии «ЖЗЛ». Другие филологические труды Лосева известны куда меньше и недооценены – а между тем, например, его статья «Солженицынские евреи» была этапной не только для изучения Солженицына, но и для осмысления образа еврея в советской культуре. Писал он и о «Слове о полку Игореве», и о Чехове, в последние годы жизни вел передачу о новинках американской литературы на радиостанции «Голос Америки».

Стихи Лосева непохожи на стихи Бродского, да и других его современников. Их пронизывает нарастающий с годами контраст между кипучей энергией словесной игры и неврастенически-язвительной самоиронией автора. В одном из самых исповедальных его стихотворений пушкинский Золотой Петушок, гонимый пророк и «опущенный» в лагере заключенный, оказываются одним и тем же персонажем. Искусство для Лосева – свидетельство о том, что человек не должен подчиняться давящей, удушливой реальности. Сочувствие этому раненому миру может выразить только тот, кто свободен. Именно таким и стремился быть Лосев, написавший: «Но странно и свободно ты живешь / под форточкой, где ветка, снег и птица, / следя, как умирает эта ложь, / как больно ей и как она боится».

Èëüý Èóóóèí

Авторы номера:

Йеуда Векслер (р. 1946)

композитор, музыковед, писатель и переводчик. В его переводах издано более 40 книг.

Хаим Граде (1919–1982)

один из крупнейших еврейских писателей XX века. Писал на идише. Получил светское и традиционное еврейское образование. Дебютировал как поэт, был членом литературной группы «Юнг Вильне». Автор сборников стихотворений, рассказов и романов «Безмужняя жена», «Цемах Атлас», «Немой миньян».

Симон Джекобсон (р. 1956)

основатель «Центра жизни, полной смысла», преподаватель, автор книг «К жизни, полной смысла» и «60 дней: духовное руководство к праздникам». Тесно сотрудничал с 1Любавичским Ребе М.-М. Шнеерсоном. После смерти Ребе координирует публикацию его бесед. Возглавлял группу исследователей Сефер а-Ликутим – энциклопедии хасидской мысли (26 томов, 1977–1982).

Михаил Дзюбенко (р. 1966)

филолог, научный сотрудник Государственного литературного музея.

Марк Зайчик (р. 1947)

прозаик («Сделано в СССР», «Иерусалимские рассказы»). Печатался в журналах «Континент», «22».

Галина Зеленина

историк, литератор, переводчик. Доцент РГГУ и ИСАА при МГУ, редактор сайта «Booknik.ru: Еврейские тексты и темы». Автор монографии «От скипетра Иуды к жезлу шута. Придворные евреи в средневековой Испании», статей по средневековой еврейской истории, истории Испании, гендерной проблематике.

Некод Зингер (р. 1960)

писатель, переводчик, критик, редактор двуязычного литературного журнала «Двоеточие». Автор романа «Билеты в кассе».

Леонид Кацис (р. 1958)

филолог («Владимир Маяковский: поэт в интеллектуальном контексте эпохи», «Осип Манделштам: мускус иудейства»). Профессор Учебно-научного центра библеистики и иудаики РГГУ.

Борис Клин (р. 1970)

журналист, обозреватель газеты «Известия». Лауреат премии ФЕОР «Человек года – 2006».

Аркадий Ковельман (р. 1949)

историк, заведующий кафедрой иудаики Института стран Азии и Африки при МГУ. («Риторика в тени пирамид: массовое сознание римского Египта», «Эллинизм и еврейская культура».)

Илья Кукулин (р. 1969)

филолог и литературный критик, автор статей по истории и социологии русской литературы, обозреватель сайта «Open Space».

Евгений Левин (р. 1973)

журналист, переводчик, автор пособий по еврейской традиции.

Меир Левинов (р. 1959)

преподаватель истории иудаизма, переводчик и публицист. Автор книг «Владеющий Именем», «Еврейская чертовщина».

Афанасий Мамедов (р. 1960)

прозаик, автор романов «Хазарский ветер» и «Фрау Шрам».

Михаил Пархомовский (р. 1928)

составитель, главный редактор и издатель серии «Евреи в культуре русского зарубежья», «Русское еврейство в зарубежье». Автор книги о Зиновии Пешкове «Сын России, генерал Франции».

Лиза Плавинская

искусствовед, автор статей о русских художниках и архитекторах, куратор, арт-критик, художник. Публикуется в изданиях: «Проект Россия», «World Paper».

Синтия Озик

американская писательница, автор более десятка книг – романов, сборников рассказов и эссе. Награждена множеством премий, в том числе премией Бернарда Маламуда, премией О. Генри.

Леонид Радзиховский (р. 1953)

журналист («Российская газета», «Еврейское слово», интернет-издание «ЁЖ», радиостанции «Эхо Москвы» и «Маяк»), лауреат премии ФЕОР «Человек года – 2005».

Александр Рапопорт (р. 1960)

поэт (сборники «Образ жизни», «Имя и число») и журналист.

Григорий Ревзин (р. 1964)

историк архитектуры («Неоклассицизм в русской архитектуре начала XX века», «Очерки по философии архитектурной формы»). Архитектурный критик, журналист ИД «Коммерсантъ», главный редактор журнала «Проект Классика». Публикуется в журналах «AD», «GQ» и др.

Елена Римон

литературовед, переводчик, доцент кафедры еврейского наследия в израильском университетском центре «Ариэль», редактор и комментатор («Ивритская литература в русских переводах: Антология», «Ш.-Й. Агнон. Новеллы» и др.)

Дэвид Роскис (р. 1948)

профессор Еврейской теологической семинарии в Америке. Исследователь литературы Холокоста. Автор статей об идишских писателях и поэтах.

Юлиан Тувим (1894–1953)

польский поэт и переводчик. Автор сборников «Подстерегаю Б-га», «Пляшущий Сократ», «Слова в крови» и др. В годы войны эмигрировал в США, где примкнул к «прогрессивному» лагерю польских эмигрантов. Переводил на польский язык «Слово о полку Игореве», «Горе от ума», поэзию А.С. Пушкина, В.В. Маяковского, Б.Л. Пастернака.

Марк Харитонов (р. 1937)

прозаик, эссеист, поэт, переводчик. Первый лауреат русской Букеровской премии (1992).

Дан Харув (р. 1948)

историк, один из редакторов сборника статей о Шимоне Дубнове «Писатель и воин».

Софья Черняк

искусствовед, работала редактором в журнале «Советиш геймланд», консультант и автор более 80 статей о художниках в РЕЭ.

Михаил Эдельштейн (р. 1972)

филолог, критик, заведующий редакцией биографического словаря «Русские писатели».

Менахем Яглом (р. 1964)

переводчик, редактор и издатель еврейских классических текстов. Автор публикаций по еврейской истории, культуре, философии и мистике.